

Уильям Шекспир.

Цимбелин

перевод Н.Мелковой

Действующие лица

<http://book.zehinli.info>

Цимбелин, король Британии.

Клотен, сын королевы от первого брака.

Леонат Постум, муж Имогены.

Беларий, изгнанный вельможа, скрывающийся под именем Моргана.

Арвираг } сыновья Цимбелина, скрывающиеся под именами Полидора
и

Гвидерий } Кадвала, мнимых сыновей Моргана.

Филарио, друг Постума

} итальянцы.

Якимо, друг Филарио

Француз, друг Филарио.

Кай Луций, римский полководец.

Римский военачальник.

Два британских военачальника.

Пизанио, слуга Постума.

Корнелий, врач.

Два дворянина.

Два тюремщика.

Королева, жена Цимбелина.

Имогена, дочь Цимбелина от первого брака.

Елена, прислужница Имогены.

Вельможи, дамы, римские сенаторы, трибуны, призраки, прорицатель, голландец, испанец, музыканты, офицеры, солдаты, гонцы и слуги

Место действия - Британия и Италия.

АКТ I

СЦЕНА 1

Британия. Сад за дворцом Цимбелина.

Входят два дворянина.

Первый дворянин

Кого ни встретишь - вид у всех унылый.

Не столь покорен дух наш небесам,

Сколь королю придворные. Все тщатся

Монарху подражать.

Второй дворянин

Но что случилось?

Первый дворянин

Дочь и наследницу свою король

За сына королевы прочил замуж

(Король ведь на вдове женат); а дочь

Другого полюбила; он хоть беден,

Но человек достойный. Брак свершился,

И вот она в темнице, он - в изгнание.

Все с виду хмуры, хоть один король

Скорбит глубоко.

Второй дворянин

Только ли король?

Первый дворянин

И тот, кто потерял ее, конечно;

И королева, жаждавшая сына

На ней женить. А те, кто носит маску

Печали на глазах у короля,

В душе ликуют, радуясь причине

Своей притворной грусти.

Второй дворянин

Почему же?

Первый дворянин

Тот, кто принцессу упустил, так низок,

Что недостоин даже низких слов.

А тот, кто овладел (ее рукою -

Хотел сказать я) и за это изгнан.

Таков, что, обойди хоть целый мир,

И все равно нигде найти не сможешь
Соперника ему по совершенной,
Не знающей изъянов красоте
Души и тела.
Второй дворянин
Похвала чрезмерна.
Первый дворянин
Нет, только соразмерна. Я скорее
Приуменьшил достоинства его,
Чем переоценил.
Второй дворянин
Кто он? Откуда?
Первый дворянин
Я знаю род его лишь в двух коленах.
Его отец Сицилий славно бился,
Когда Кассивелаун шел на римлян,
Потом служил Тенакцию, который
Пожаловал ему за храбрость земли
И Леонатом за нее прозвал.
Еще двух сыновей имел Сицилий;
Те пали на войне с мечом в руках.
И он (уж старый и детей любивший)
Удара этого не снес и умер.
Его жена, родив на свет того,
О ком здесь речь, скончалась. Наш король
Берет на попечение младенца
И нарекает: Постум Леонат;
Растит и делает пажом; дает
Все знания, что юности доступны,
И мальчик их впивает словно воздух -
Учителя за ним не поспевают.
А вскоре зримы стали и плоды:
Его (столь редкий случай!) все любили
И восхваляли при дворе. Для юных
Он был примером, для мужей в летах -
Зерцалом совершенства, и для старцев
Поводырем. Принцесса доказала,
Его избрав (за что понес он кару),
Как высоко она его ценила,
И явствует из выбора ее,
Что он за человек.

Второй дворянин

Его я чту

По одному уж вашему рассказу.

А дочь у короля одна?

Первый дворянин

Одна.

Двух сыновей имел он, - коль угодно,

Я расскажу. Был старший сын трех лет,

Второй еще грудным, когда обоих

Похитили из детской, и о них

Никто доныне ничего не знает,

Второй дворянин

А сколько лет с тех пор минуло?

Первый дворянин

Двадцать.

Второй дворянин

Украсть детей у короля? Неужто

Так плохо стерегли их и искали,

Что не нашли следов?

Первый дворянин

Да; как ни странно,

Как ни смешна подобная небрежность,

Но это так...

Второй дворянин

Я верю вам вполне.

Первый дворянин

Нам надо удалиться: вон идут

Сам Постум, королева и принцесса.

Уходят.

Входят королева, Постум и Имогена.

Королева

Нет, дочь моя, поверь: хоть и клеветают

На мачех часто, нет во мне и тени

Враждебных чувств; ты узница моя,

Но твой тюремщик сам тебе вручает

Ключ от темницы. - Постум, а за вас

Ходатайствовать буду я, как только

Смягчить сумею сердце короля.

Сейчас он в гневе; право, вам бы лучше

На время подчиниться приговору.

Пусть разум вас вооружит терпением.

Постум

Я еду.

Королева

Да, опасность велика.

Терзаниям любви запретной вашей

Сочувствуя, я выйду в сад, хоть вас

Король вдвоем велел не оставлять.

(Уходит.)

Имогена

О доброта притворная! Как нежно

Змея ласкает жертву, больно жаля. -

Супруг любимый! Страшен гнев отца,

Но надо мной, хранящей долг священный,

Его бессильна ярость. Уезжай!

Я ж под обстрелом злобных глаз останусь

И силу жизни буду черпать в том,

Что я тобой - сокровищем - владею,

Что свидимся мы вновь.

Постум

Моя царица!

Любовь моя! О милая, не плачь,

Иначе повод я подам к упрекам

В чувствительности большей, чем мужчине

Пристало. Буду самым верным я

Из всех мужей, святую клятву давших.

Филарио, друг моего отца,

Мне в Риме даст приют, хоть лишь по письмам

Мы с ним знакомы. Мне туда пиши,

Владычица моя; я стану жадно

Впивать слова твои, хотя б из желчи

Чернила были.

Входит королева.

Королева

О, скорей! Расстаньтесь!

Коль явится король, то на меня

Падет его неистовая злоба.

(В сторону.)

Я приведу его сюда сама;

Поссорившись со мной, он щедро платит

Потом за примирение.

(Уходит.)

Постум
Когда бы
Всю жизнь прощались мы, разлуки горечь
Все только возрастала бы. Прощай!

Имогена
Нет, погоди немного!
Ведь даже на прогулку уезжая,
Со мною дольше бы прощался ты.
Смотри - вот перстень матери моей.
Возьми его, любимый, и храни,
Пока другой жены не изберешь,
Когда меня не станет.

Постум
Что? Другой?
О небеса, мне эту сохраните!
Ее одну! Пусть смерть меня избавит
От ласк другой жены.

(Надевая кольцо.)
Останься здесь,
Пока я жив. - Прекрасная моя!
Когда свою ничтожность дал в обмен
Я за любовь твою, неисчислимый
Убыток понесла ты, - так и ныне
Я выгадал, подарками меняясь.
Возьми на память и носи вот эти
Любви оковы; их я надеваю
(надевает ей на руку браслет)
На узницу прелестную.

Имогена
О боги!
Когда ж опять мы свидимся?
Входят Цимбелин и вельможи.
Король!

Цимбелин
Бесчестный, вон! Прочь с глаз моих! И если
Ты двор еще хоть раз обременишь
Присутствием своим, конец тебе!
Ты яд в крови моей!

Постум
Храни вас небо
И всех достойных здесь. Я уйду.

(Уходит.)

Имогена

У смерти мук ужасней быть не может!

Цимбелин

Ты, лживая преступница! Могла бы
Ты молодость мою вернуть - так нет,
Меня ты на год старишь.

Имогена

Государь,
Себе волненьем злобным не вредите.
Ваш гнев меня не тронет. Скорбь во мне
Убила страх и совести укоры.

Цимбелин

И послушанье? Кротость?

Имогена

Тем, кто был
Лишен надежды, чуждо послушанье.

Цимбелин

Принц должен был твоим супругом стать!

Имогена

И счастье, что не стал. Орла избрав,
Я коршуна отвергла.

Цимбелин

Ты нищего взяла! Хотела ты
Ничтожество на трон мой возвести?

Имогена

Нет, новым блеском трон ваш озарить.

Цимбелин

И это дочь моя? Ах, негодяйка!

Имогена

Вы, вы виной, что Постума люблю я!
Вы нас растили вместе. Он достоин
Прекраснейшей из всех на свете женщин!
Я перед ним ничто!

Цимбелин

Она безумна!

Имогена

Почти! - О небо, помоги! - Ах, если б
Отец мой был пастух, а Леонат
Сын пастуха-соседа!
Входит королева.

Цимбелин

Замолчи!

(Королеве.)

Они опять встречались! - Мой приказ

Нарушили вы вновь. - Убрать ее,

И под замок!

Королева

Ах, успокойтесь! Тише! -

Дочь милая, сдержись! - Мой повелитель,

Оставьте нас одних и постарайтесь

Развлечься...

Цимбелин

Нет. Пусть день за днем от горя

Кровь иссыхает в ней! Пускай она.

Состарившись, умрет в своем безумье.

(Уходит.)

Королева

(Имогене)

Стыдись же! Уступи!

Входит Пизанио.

Вот твой слуга.

(К Пизанио.)

Что скажешь?

Пизанио

Сын ваш только что напал

На господина моего.

Королева

О небо!

Надеюсь я, несчастья не случилось?

Пизанио

Могло случиться, но хозяин мой

Скорей играл беззлобно с ним, чем дрался.

Поблизости случившиеся люди

Разняли их.

Королева

Ах так? Я очень рада.

Имогена

Ваш сын в ладу с моим отцом! Напасть

На изгнанного! Нет, каков храбрец!

В пустыне им сойтись бы, так с иглою

Стояла бы я рядом и колола

Того, кто отступает. - Почему
Ты господина своего оставил?

Пизанио

Он так велел и, не позволив в гавань
Его сопровождать, наказ мне дал,
Как вам служить, - коль вам угодно будет
Принять мои услуги.

Королева

Он был верным
Слугою вам, и я могу поклясться,
Что будет им и впредь.

Пизанио

Благодарю вас.

Королева

(Имогене)

Пройдемся вместе.

Имогена

(к Пизанио)

Через полчаса

Поговорим. Ты сходишь на корабль
К супругу моему. Теперь оставь нас.

Уходят.

СЦЕНА 2

Входят Клотен и двое вельмож.

Первый вельможа

Принц, я бы советовал вам переменить рубашку. Вы так распалены
неистовым поединком, что пар валит от вас, как от только что
принесенной жертвы. Ветер входит туда же, откуда выходит, но
никакой ветер так не благоухает, как то, что выпускаете вы.

Клотен

Я меняю рубашку, только когда она окровавлена. Вывел я его из
строя?

Второй вельможа

(в сторону)

Ей-богу, нет. Даже из себя не вывел.

Первый вельможа

Вывели из строя? Если вы не ранили его, значит, он весь - один
дырявый скелет; у него не тело, а проезжая дорога для шпаг, если вы
не ранили его.

Второй вельможа

(в сторону)

Его шпага избегала противника, как должник кредитора; она ходила стороной.

Клотен

Негодяй не мог устоять передо мною!

Второй вельможа

(в сторону)

Как же он мог устоять, когда не стоял, а шел прямо на тебя!

Первый вельможа

Кто устоит перед вами! У вас и так достаточно земель, а противник, отходя, уступал вам еще и ту землю, что была под ним.

Второй вельможа

(в сторону)

В ней не больше дюймов, чем у тебя океанов. Олухи!

Клотен

Ух, как я зол, что нас растащили!

Второй вельможа

(в сторону)

И я! А то бы ты шлепнулся и показал нам, какой длины бывает дурак враспяжку.

Клотен

И как это она могла влюбиться в такого мерзавца и отказать мне!

Второй вельможа

(в сторону)

Да, если правильный выбор - грех, не спасись ей от вечного проклятия.

Первый вельможа

Принц, я всегда говорил вам, что ее красота и разум не в ладу друг с другом. Лицо ее так и светится красотой, но я не замечал, чтобы ум у нее был светлый.

Второй вельможа

(в сторону)

Еще бы! Она боится светить на дураков, чтобы ей не повредило отражение.

Клотен

Пойдем ко мне. Все-таки досадно, что из этой встречи не вышло беды.

Второй вельможа

(в сторону)

Не нахожу. Ну убили бы осла - так это еще небольшая беда.

Клотен

Идете вы с нами?

Первый вельможа

Я вскоре последую за вами, принц.

Клотен

Ну нет, идем все вместе.

Второй вельможа

Извольте, ваше высочество.

Уходят.

СЦЕНА 3

Комната во дворце Цимбелина.

Входят Имогена и Пизанио.

Имогена

Хотела б я, чтоб врос ты в берег моря
И каждый вопрошал корабль. А вдруг
Напишет муж и не дойдет письмо?

Потеря эта то же, что утрата
Прощенья узнику! Какое слово
Последним он сказал?

Пизанио

"Моя принцесса".

Имогена

Махал платком он?

Пизанио

Да, его целую.

Имогена

Бездушный холст счастливее меня!

И это все?

Пизанио

Нет, госпожа. Пока

Я мог среди прочих различать его,
На палубе стоял он и махал
Платком своим, перчаткой или шляпой,
И по его волненью было видно,
Что так же рвался он душой назад,
Как несся вдаль корабль.

Имогена

Ты должен был

Глаз не сводить с него, пока не стал бы
Он меньше ворона.

Пизанио

Я так и сделал.

Имогена

А я - я проглядела бы глаза,

А все следила бы за тем, как он
Становится все меньше, меньше, меньше
И тоньше кончика моей иглы;
Покуда он совсем бы не исчез,
Как мошка в воздухе; тогда лишь взор,
Рыдая, отвела бы. Ах, когда же,
Пизанио, о нем услышу я?

Пизанио

При первой же возможности, принцесса.

Имогена

Я не простила с ним, а мне хотелось
Еще так много важного поведать.
Когда мы расставались, не успела
Ему я ни сказать, как стану думать
И день и ночь о нем; ни клятву взять,
Что он мне в этом Риме не изменит
С какой-нибудь лукавой итальянкой;
Ни попросить, чтоб на рассвете, в полдень
И в полночь к небесам его молитва
Взлетала и встречала там мою;
Ни дать ему, слова любви прервав,
Прощальный поцелуй. Отец ворвался,
Подобно злему северному ветру,
И почки сбил, готовые расцвести.
Входит придворная дама.

Придворная дама

Вас ждет ее величество, принцесса.

Имогена

(к Пизанио)

Исполни все, что приказала я,
Иду я к королеве.

Пизанио

Все исполню.

Уходят.

СЦЕНА 4

Рим. В доме Филарио.

Входят Филарио, Якимо, француз, голландец и испанец.

Якимо

Поверьте, синьор, я знал его в Британии. Слава его росла, и все ждали,
что он оправдает те достоинства, которые ему теперь приписывают.
Но я взирал на него без всякого восхищения, хотя уж и тогда рядом с

ним вывешивали список его доблестей, так что я мог прочитать его по пунктам.

Филарио

Ты говоришь о временах, когда он еще не обладал всеми теми совершенствами души и тела, которые украшают его теперь.

Француз

Я встретил его во Франции, но там было немало людей, которые не хуже его умели смотреть на солнце, не жмурясь.

Якимо

А вся эта история с женитьбой на дочери короля! Его теперь судят скорее по достоинствам принцессы, чем по его собственным, потому так и превозносят.

Француз

И потом это изгнание...

Якимо

Вот-вот - сторонники принцессы, оплакивающие ее горе и печальную разлуку, как раз и рады возвеличить этого Постума. Своей хвалой они стараются доказать, что она сделала правильный выбор. Выйди она замуж за нищего, не обладающего всеми совершенствами, такой поступок не выдержал бы и самого легкого обстрела. Но каким образом он поселился у вас? Как вы завели с ним знакомство?

Филарио

Мы с его отцом оба были воинами, вместе сражались. И не раз я ему бывал обязан жизнью.

Входит Постум.

Вот идет наш британец. Примите его, как подобает людям вашего положения принять достойного чужеземца. (Знакомит с Постумом.)

Прошу вас всех поближе познакомиться с моим благородным гостем и другом. Он достоин вашей дружбы, и время скоро убедит вас в его доблестях, поэтому сейчас, в его присутствии, я не стану воздавать ему хвалу.

Француз

По-моему, мы с вами уже встречались в Орлеане?

Постум

Да, и с того времени я ваш неоплатный должник. Вы оказали мне так много любезностей, что, сколько бы я ни старался уплатить свой долг, я так и не смог бы расплатиться до конца.

Француз

О, вы преувеличиваете мою ничтожную услугу. Я рад был примирить вас с моим земляком. Было бы обидно, если бы такая пустячная ссора привела к кровавой развязке.

Постум

Простите, сударь, тогда я был молодым путешественником и предпочитал поступать по-своему, а не руководствоваться мнением людей более опытных. Теперь - прошу не счесть это хвастовством - я стал рассудительнее и все асе считаю, что повод для ссоры был в тот раз не так уж ничтожен.

Француз

Может быть, но, во всяком случае, не стоило решать спор мечами. Особенно таким противникам, как вы. Ведь ваш поединок мог кончиться только смертью одного или обоих.

Якимо

Не будет ли нескромностью спросить, что послужило причиной этой ссоры?

Француз

О нет! Ссора произошла публично, и нет никаких оснований о ней умалчивать. Это было очень похоже на наш вчерашний спор когда каждый из нас превозносил красавиц своей страны. В те дни этот дворянин утверждал и был готов подтвердить свое мнение кровью, что его дама прекраснее, добродетельнее, умнее, а главное, неприступнее, чем самая прелестная дама Франции.

Якимо

А теперь либо эта дама скончалась, либо ее рыцарь уже не настаивает на своем утверждении?

Постум

Я остался при своем мнении, так же как она при своей добродетели.

Якимо

Но не станете же вы утверждать, что она превосходит наших итальянок?

Постум

Если меня к этому принудят, как тогда во Франции, я не отступлюсь от своего мнения; пусть даже меня сочтут не ее возлюбленным, а лишь поклонником ее совершенств.

Якимо

Как! Сравнить ее по красоте и добродетели с итальянками! Нет, это даже при игре словами слишком лестно для любой британской дамы! Пусть она даже превосходит всех дам, которых я знаю, как этот перстень на вашем пальце превосходит все перстни, которые мае доводилось видеть, - я и тогда скажу: она лучше многих! Но ведь я не видел самого лучшего в мире перстня, а вы - лучшей в мире дамы.

Постум

Я оцениваю ее по ее собственным достоинствам, так же как и свой перстень.

Якимо

А как вы их оцениваете?

Постум

Выше всех даров вселенной.

Якимо

Значит, ваша несравненная дама умерла, если такую безделушку вы оцениваете выше ее?

Постум

Вы ошибаетесь. Перстень может быть куплен или подарен. Куплен тем, у кого есть достаточно денег для покупки, подарен тому, кто заслуживает такого подарка. Дама, о которой я говорю, не может быть куплена. Она - дар богов.

Якимо

И боги поднесли ее в дар вам?

Постум

Да, и по милости богов она останется моей.

Якимо

Конечно, по имени вы можете считать ее своей. Но знаете, утки любят ловить рыбу в соседском пруду. Перстень ваш тоже может быть украден. Итак, оба ваши бесценные сокровища ненадежны. Ловкий вор и опытный волокита могут лишить вас и той и другой драгоценности.

Постум

Никогда! Во всей Италии не найдется такого искусного волокиты, который мог бы одержать победу над честью владычицы моего сердца. Воров у вас здесь достаточно, не сомневаюсь, и тем не менее за свой перстень я тоже не боюсь.

Филарио

Прекратите этот разговор, синьоры.

Постум

Охотно. Мне очень приятно, что этот достойный синьор не считает меня чужим. Мы с ним сразу сблизились.

Якимо

Вы в этом уверены? Один разговор, раз в пять длиннее этого, и я отбил бы у вас вашу красавицу. Представься мне только случай поухаживать за ней, я бы мигом заставил ее сдаться.

Постум

Ну нет!

Якимо

Я готов побиться об заклад на половину моего состояния против вашего перстня, хотя, на мой взгляд, оно стоит несколько больше. Но ведь я оспариваю не столько честь вашей дамы, сколько вашу уверенность в ней. А для того чтобы мое предложение не оскорбило вас, я готов попытаться соблазнить любую женщину в мире, а не вашу даму.

Постум

Вы заблуждаетесь в своих чересчур смелых утверждениях. Я не сомневаюсь, что ваши попытки встретят то, чего заслуживают.

Якимо

Что же?

Постум

Отказ. Хотя подобная попытка, как вы ее называете, заслуживает не только отказа, но и наказания.

Филарио

Синьоры, довольно. Ваш спор возник внезапно, пусть он так же и закончится. Прошу вас сначала познакомиться поближе.

Якимо

Я готов ответить за свои слова не только своим состоянием, но и состоянием своих родных.

Постум

Какую даму вы избираете для своей попытки?

Якимо

Вашу, которую вы считаете такой недоступной и верной. Ставлю десять тысяч дукатов против вашего перстня! Но вы должны дать мне возможность проникнуть во дворец принцессы и, не больше чем после второго свидания, я вам привезу ее честь, хоть вы и считаете ее такой неприступной.

Постум

Против вашего золота я тоже ставлю золото! Этот перстень дорог мне, как мой палец, - он часть его.

Якимо

И вы боитесь его потерять? Но заплатите вы даже миллион за золотник женского мяса, вам и тогда не убережет его от порчи.

Впрочем, я вижу, что для вас она святыня и потому вы так боитесь.

Постум

Ваш язык болтает по привычке; я надеюсь, что намерения у вас не столь бесчестны.

Якимо

Я хозяин своему слову и клянусь, я готов отвечать за предложенный мной заклад.

Постум

Да? Ну что же, я готов отдать в залог мой перстень до вашего возвращения. Мы подпишем договор по всей форме. Добродетель моей дамы стоит выше всех ваших недостойных замыслов, ей нечего опасаться. Ну, так я принимаю ваш вызов. Вот мой перстень!

Филарио

Я не допущу такого заклада!

Якимо

Клянусь богами, заклад состоялся! Если я не привезу вам достаточных доказательств, что наслаждался владычицей вашего сердца, то мои десять тысяч дукатов принадлежат вам вместе с перстнем. Если я вернусь, оставив ее такой же непорочной, какой вы ее считаете, то она - ваше сокровище, и ваш перстень и мое золото принадлежат вам. Но все это при том условии, что вы мне дадите рекомендательное письмо и я подучу к ней свободный доступ.

Постум

Согласен! Но и я поставлю условие. Если вы по возвращении доставите мне явные доказательства вашей победы - мы с вами не враги, ибо в таком случае дама не стоит нашего спора. Если же она отвергнет вас и вы не сможете доказать ее измены, то вы с мечом в руках ответите мне за ваше оскорбительное мнение о ней, за дерзкое покушение на ее честь!

Якимо

По рукам! Я согласен. Мы скрепим наш спор договором, и я немедленно отправляюсь в Британию. Боюсь, что, если буду медлить, пыл ваш угаснет и наш заклад зачахнет без пищи. Иду за деньгами, и мы сейчас же составим письменное условие.

Постум

Согласен!

Постум и Якимо уходят.

Француз

Как вы полагаете, они доведут спор до конца?

Филарио

Да, Якимо не отступится. Пойдем за ними!

Уходят.

СЦЕНА 5

Британия. Комната во дворце Цимбелина.

Входят королева, придворные дамы и Корнелий.

Королева

Скорей, пока роса, цветов нарвите.

А у кого их список?

Первая дама

У меня.

Королева

Ступайте!

Придворные дамы уходят.

Ну, доктор, ты мне снадобья принес?

Корнелий

Да, государыня; вот здесь они.

(Подает ей ящичек.)

Но умоляю вас, не обижайтесь

На мой вопрос - он совестью подсказан;

К чему вам эти страшные составы,

Ведущие хоть медленно, но верно

К ужасной смерти?

Королева

Доктор, твой вопрос

Мне странен. Не твоей ли ученицей

Была я долго? И не ты ль меня

Учил, как надо составлять лекарства?

Их очищать? Хранить? Король и тот

Хвалил мое уменье. Если в этом

Я преуспела (ты ведь не считаешь,

Что я в связи с нечистым), так не должно ль

Мне расширять познания свои

На опытах? Я силу этих зелий

Испробую, не бойся, не на людях -

На тварях, недостойных и петли.

Я действие составов изучу,

Противоядья применю, узнав

Все свойства их.

Корнелий

Но опыты такие

Ожесточают сердце, ваша милость.

За действием отравы наблюдать

И тягостно и вредно.

Королева

Успокойся!

Входит Пизанио.

(в сторону.)

А, льстивый плут! С тебя я и начну.

Враг сына моего, за господина

Горой стоишь ты.

(Громко.)

Это ты, Пизанио? -

В тебе я больше не нуждаюсь, доктор.

Ступай.

Корнелий

(в сторону)

Нет, я тебе не доверяю,

Но никому ты зла не причинишь.

Королева

(к Пизанио)

Хочу тебе сказать я кое-что...

Корнелий

(в сторону)

Я не люблю ее. Пускай считает,

Что получила медленные яды.

О, никогда б такой душе коварной

Не вверил я столь страшную отраву.

Начнет она, быть может, с псов и кошек,

Потом пойдет и дальше; но вреда

От мнимой смерти никому не будет.

Мои составы только оглушают,

Лишь ненадолго притупляя чувства.

Настанет срок - и дух почти угасший

Вновь оживет! Я обману ее,

Служа обманом правде.

Королева

(Корнелию)

Ты свободен,

Пока не призову.

Корнелий

Я повинуюсь.

(Уходит.)

Королева

(к Пизанио)

Ты говоришь, она все время плачет?

Ужели не поддастся уговорам

И разум в ней безумье не осилит?

Так действуй же! Ты только дай мне знать,

Что мил ей сын мой, - и, поверь, я тотчас

Тебя вельможей сделаю таким же,

Как господин твой был, и даже выше!
Безмолвствует теперь его Фортуна,
И при последнем издыханье - честь.
Ни жить, где он живет, ни возвратиться
Нельзя ему. Менять места? - Он этим
Одни мученья сменит на другие,
И с каждым новым днем он разрушает
Труды минувших дней. Так что ж ты ищешь
Опоры в том, кто, падая, не сможет
Подняться вновь; кто потерял навеки
Друзей, способных поддержать его?..
(Роняет ящичек.)

Пизанио поднимает его.
Не знаешь ты, что поднял. Но в награду
За труд возьми себе. Здесь мой состав,
Пять раз от смерти короля спасавший.
Такого укрепляющего средства
Нет больше в мире. - Ну прошу, возьми
В залог тех благ, что я тебе готовлю.
С принцессой же поговорить ты должен
Так... ненароком... будто от себя;
Ей опиши, что ждет ее... Ты понял,
Какое счастье выпадет тебе?
Благоволенья сохранишь принцессы,
Любимцем станешь сына моего;
Заставлю короля тебя возвысить,
Как ты захочешь; и сама по-царски
Тебя за все старанья награжу,
Зови придворных дам. Слова мои
Обдумай.

Пизанио уходит.
Верен и хитер! Его
Не купишь. Он раб Постума и страж
Супружеского долга Имогены.
Но я дала ему такого зелья,
Что если примет, то навек она
Посланца к другу милому лишится,
А коль она не сдастся, то сама
Отведает того же.
Входят Пизанио и придворные дамы.
Принесли?

(Разглядывает цветы.)

Фиалки, примулы и анемоны...

Снесите их ко мне. - Прощай, Пизанио.

Подумай же!

Пизанио

Да, да. Примусь за дело.

Королева и придворные дамы уходят.

Мне - господину изменить! Ну нет!

Скорей повешусь - вот вам мой ответ!

(Уходит.)

СЦЕНА 6

Там же. Другая комната.

Входит Имогена.

Имогена

Отец жесток, а мачеха коварна;

Жених-глупец; посвататься ко мне,

Жене изгнанника! Ах, муж мой милый,

Венец моей тоски! Я так страдаю!

Зачем меня, как братьев, не украли!

Вот было б счастье! О, как тяжело бремя

Величья царского! Блажен бедняк,

Чьи скромные сбываются желанья...

Входят Пизанио и Якимо.

Кто там?

Пизанио

С письмом от вашего супруга

Из Рима к вам прибывший дворянин.

Якимо

Принцесса, отчего вы побледнели?

Ваш благородный Леонат здоров

И кланяется вам.

Имогена

Благодарю.

Добро пожаловать, я очень рада.

Якимо

(в сторону)

В ней все, что видно взору, - совершенство!

Коль так же и душа ее прекрасна,

То, значит, предо мною чудо, феникс,

И проиграл я! Дерзость, будь мне другом!

Вооружи меня надежно, ложь!

Не то и мне придется, как парфянам,
Сражаться на бегу - верней, бежать.

Имогена

(читает)

"Он принадлежит к одному из самых благородных домов, и я
бесконечно обязан его доброте. Прими его достойно, если тебе дорог
твой преданный Леонат".

Я вслух могла прочесть вам только это,
Все остальное лишь меня касалось
И мне согрело сердце. Гость любезный,
Нет слов, чтобы сказать, как я вам рада.
Но вы и сами по моим поступкам
В том убедитесь.

Якимо

Очень благодарен.

(Пристально смотрит на нее.)

О, как безумны люди! Им богами
Даны глаза, чтоб видеть свод небесный,
Раскинутый над морем и землей;
Чтоб различать сверкающие звезды,
Каменья на кремнистом берегу. -
И эти же глаза не отличают
Дурное от прекрасного!

Имогена

Но что

Так удивляет вас?

Якимо

Нет, не глаза

Виною здесь. Ведь даже павиан
Из самок двух красивую избрал бы,
С гримасой отвернувшись от уroda.

Тут неповинен ум: глупец и тот,
Красу такую видя, станет мудрым.

Тут ни при чем и чувственность: ведь страсть,
Которая такому совершенству
Предпочитала б грязь, была бы только
Бессильным возбуждением, неспособным
Желанье утолить.

Имогена

Что вы сказали?

Якимо

И лишь один сосуд бездонный - похоть,
Неутолимая в своих желаньях,
Пожрав сначала нежного барашка,
На требуху кидается...

Имогена

Что с вами?

Вы не больны?

Якимо

Благодарю. Здоров я.

(К Пизанио.)

Прошу тебя: слуга мой там остался,

Он никого не знает, да и робок, -

Найди его.

Пизанио

А я как раз хотел

С ним познакомиться.

(Уходит.)

Имогена

Что мой супруг? Скажите, он здоров?

Якимо

Здоров, принцесса.

Имогена

Весел или грустен?

Надеюсь, весел?

Якимо

Меж иностранцев первый он шутник

И весельчак. Поэтому его

Прозвали мы повесою-британцем.

Имогена

А здесь он больше склонен был к печали,

Порою беспричинной.

Якимо

Быть не может!

К печали? Он? Поверить не могу.

Есть в Риме у него француз-друг,

Влюбленный в девушку своей страны.

Он все вздыхает, а шутник британец -

Ваш муж - над ним хохочет, повторяя:

"Со смеху лопнешь, глядя на мужчину,

Который из примеров, книг, молвы

И собственного опыта узнав,

Что женщина собою представляет,
Во что ей превратиться суждено,
В часы досуга станет тосковать
По прочному ярму".

Имогена

Так говорит он?

Якимо

Да, да, притом смеясь до слез, принцесса!
Быть с ним и слушать шутки над французом -
Потеха просто! Видит небо, все
Не без греха мужчины.

Имогена

Но не он!

Якимо

О нет! Но за дары небес он мог бы
Признательнее быть. А что до вас,
Доставшейся ему не по заслугам, - .
Я столь же удивляться принужден,
Сколь и жалеть.

Имогена

Кого жалеть, скажите?

Якимо

Обоих - от души!

Имогена

Как! И меня?

Вы так глядите... Что во мне такое
Внушает жалость вам?..

Якимо

Весьма прискорбно!
Ах!.. От сиянья солнца отвернуться
И предпочесть ему ночник тюремный...

Имогена

Прошу вас, отвечайте откровенней:
Что вынуждает вас жалеть меня?

Якимо

То, что другие...
Едва не вырвалось - владеют вашей...
Но пусть уж боги разберутся в этом -
Не мне судить.

Имогена

Вам, вероятно, сударь,

Известно что-то обо мне; прошу,
Скажите же. Ведь предвкушенье горя
Порой страшной уверенности в нем;
Коль зло непоправимо - с ним миришься,
Но, вовремя узнав о нем, возможно
Предотвратить беду. Что вас толкает
И сдерживает вместе с тем?

Якимо

О, если б
К такой щеке я мог прильнуть устами,
Взять эту руку, чье прикосновенье,
Одно прикосновенье призывает
Дать верности обет! Владеть всем тем,
Что жадный взор влечет мой, - неужели -
Проклятье мне! - слюнявил бы я губы,
Доступные любому, как ступени
У Капитолия; иль руки жал
Шершавые от грязных, лживых ласк,
Как от работы; иль глядел любовно
В бесцветные глаза, чей тусклый блеск
Не ярче, чем мерцанье фитиля,
Чадающего в зловонной плошке с салом?
Достоин был бы я всех адских мук,
Когда бы грех такой свершил.

Имогена

Мой муж
Забыл меня!

Якимо

Он сам себя забыл!
Его б не выдал я, но ваша прелесть
Моей безмолвной совести велела
Открыть его измену языку.

Имогена

Я слушать больше не хочу. Довольно!

Якимо

О чистая душа! Мне ваше горе
Сжимает сердце жалостью до боли!
Жену свою, красавицу такую,
Которая любого из монархов
Могла б возвысить, - приравнять к блудницам,
Продавшимся ему за ваши деньги,

К подлейшим тварям, девкам, что способны
Корысти ради на любую мерзость!
Их гниль опасней яда. Отомстите!
Иль ваша мать была не королевой?
Иль вы забыли род свой?..

Имогена

Отомстить?

Но как же мстить? Будь это даже правда,
Не так легко ушам поверит сердце,
Не так поспешно... Если это правда,
Как мстить ему?

Якимо

Меня бы не заставил

Он жить весталкой меж холодных простынь,
Когда он сам утехам предается
За ваш же счет, смеясь над вами! Мстите!

Я предлагаю вам себя, принцесса,
Взамен того, кто изменил вам низко.
Хранить любовь я обещаю вашу
И тайно и надежно.

Имогена

Что? - Пизанио!

Якимо

Могу ль скрепить обет мой поцелуем?

Имогена

Прочь от меня! Я проклиная уши,
Тебе внимавшие! - Будь честен ты,
Ты эту сказку рассказал бы мне
Из добрых, а не грязных побуждений.
Порочишь ты того, кто столь же чужд
Всей этой клевете, как сам ты чести,
И смеешь соблазнять его жену,
Которой ты, как дьявол, ненавистен! -
Сюда, Пизанио! - Король, отец мой
Об этом оскорблении узнает;
Коль он сочтет, что грязный иноземец
Держаться может во дворце его,
Как в Риме у себя, в публичном доме,
И скотские намеренья свои
Нам излагать, - так двор ему не дорог
И дочь не уважает он! - Пизанио!

Якимо

Счастливец Леонат! Скажу одно:
Уверенность в тебе твоей жены
Заслуживает постоянства мужа,
А блеск твоих достоинств отвечает
Ее доверью. - Долгих лет вам счастья,
Супруга лучшего из всех людей
Своей страны! Вы госпожа его,
Достойная достойнейшего мужа!
Молю простить! Я лишь узнать хотел,
Сколь глубоко вы верите в него.
Теперь скажу, что есть на самом деле:
Он чистотою жизни всех затмил;
Он чародей, сердца к себе влекущий...

Имогена

Как! Вы раскаялись?

Якимо

Он словно бог,
Сошедший к смертным. Столько благородства
В душе его, что над людьми высоко
Вознесся он. Великая принцесса!
Не гневайтесь на то, что я дерзнул
Испытывать вас ложными вестями;
Ведь это только подтвердило вам,
С какою мудростью в мужья избрали
Вы лучшего из лучших на земле!
Я испытал вас из любви к нему,
Но вижу, что, в отличие от других,
Соблазну неподвластны вы. Простите!

Имогена

Все прощено. Чем вам могу служить я?

Якимо

Благодарю. Хочу у вас просить
Услуги хоть и небольшой, но важной
Тем, что она имеет отношение
К супругу вашему; и я с друзьями
Причастен к этому.

Имогена

А что такое?

Якимо

Двенадцать римлян и супруг ваш с нами

(В крыле у нас он лучшее из перьев)
Купить подарок Цезарю сложились.
По просьбе их во Франции купил я
Серебряную утварь и камень
Огромной ценности. Я здесь чужой
И как сберечь сокровища - не знаю.
Не будете ль добры их взять к себе
На сохранение?

Имогена

О да, охотно!
Я честью поручусь за их сохранность.
А так как и супруг мой тоже в доле,
Их спрячу в спальне.

Якимо

В сундуке они
Под наблюденьем слуг моих. Осмелюсь
К вам на одну лишь ночь его прислать.
Я завтра утром еду.

Имогена

Нет, о нет!

Якимо

Я должен ехать, иль нарушу слово.
Из Галлии я плыл через моря
Лишь потому, что видеть вашу светлость
Желал и обещал.

Имогена

Благодарю.
Но завтра вы не едете?

Якимо

Обязан!
Прошу вас, если можно, напишите
Сегодня же супругу. Я и так
Замешкался, а наш подарок нужно
Доставить вовремя.

Имогена

Я напишу.
Сундук пришлите. Сохранен он будет
И отдан в целости. Желаю счастья.

Уходят.

АКТ II

СЦЕНА 1

Британия. Двор перед дворцом Цимбелина.

Входят Клотен и двое вельмож.

Клотен

Видел ли кто такое невезение? Мой шар катится прямо к цели, как вдруг налетает второй шар - бац! - ста фунтов у меня как не бывало! А этот ублюдок с обезьяньей рожой еще кричит, зачем я ругаюсь, как будто я беру ругательства у него взаймы и не имею права ругаться, сколько мне вздумается!

Первый вельможа

А чего он добился? Вы проломили ему голову шаром, и делу конец.

Второй вельможа

(в сторону)

Было бы у него столько ума, сколько у тебя, так мозгу не вытекло бы ни одной капли.

Клотен

Пусть знает, что, когда знатному человеку придет охота ругаться, никто из присутствующих не смеет его останавливать.

Второй вельможа

Конечно, принц! (В сторону.) Так же как и ты не имеешь права терзать наш слух своей руганью,

Клотен

Сукин сын! Он еще требует удовлетворения! Как бы не так! Вот будь он мне ровней...

Второй вельможа

(в сторону)

То есть будь он такой же круглый дурак, как ты...

Клотен

Чума его возьми! Из-за чего-нибудь другого я бы так не разозлился. Лучше бы уж я не принадлежал к такому высокому роду. Из-за того, что мать моя - королева, никто не смеет драться со мной. Любой мужлан может в свое удовольствие драться с кем захочет и сколько захочет, а я вынужден шагать как петух, к которому никто не смеет подступить!

Второй вельможа

(в сторону)

Не петух ты, а каплун! Петушиного в тебе только то, что ты петушишься.

Клотен

Что ты сказал?

Второй вельможа

А то, что вам не пристало драться с каждым, кого вы оскорбляете.

Клотен

Конечно! Но мне пристало оскорблять всех, кто ниже меня.

Второй вельможа

Это только вам и пристало, ваше высочество.

Клотен

Вот и я то же самое говорю.

Первый вельможа

Слыхали вы, принц, что ко двору прибыл чужестранец?

Клотен

Как! Прибыл чужестранец, а я этого еще не знаю?

Второй вельможа

(в сторону)

Ты еще, например, не знаешь того, что ты дурак.

Первый вельможа

Он итальянец и, говорят, друг Постума.

Клотен

Друг этого изгнанного подлеца? Значит, он сам тоже подлец! Кто тебе сказал об этом итальянце?

Первый вельможа

Один из ваших пажей.

Клотен

А что, если я пойду и посмотрю на него? Ведь этим я себя не унижу в глазах света?

Первый вельможа

Вам невозможно себя унижить, ваше высочество.

Клотен

Я тоже так думаю!

Второй вельможа

(в сторону)

Ты такой отъявленный дурак и так низок, что ниже тебе уже не стать, как ни старайся.

Клотен

Пойду взгляну на этого итальянца! А то, что я проиграл в шары днем, отыграю у него сегодня вечером.

Второй вельможа

Я следую за вами, принц!

Клотен и первый вельможа уходят.

Второй вельможа

Могла же мать, лукавая как дьявол,

Родить осла такого! Нет преград,

Которых бы она не одолела

Умом своим, а олух, сын ее,
Не может вычесть двух из двадцати,
Чтоб вышло восемнадцать. - О принцесса,
Что терпишь ты, бедняжка, от отца,
Покорного раба своей жены,
Плетущей ежечасно злые козни!
От домогательств жениха - они
Тебе страшнее, чем изгнанье мужа,
Чем с ним разлука... Небо, укрепи
Твердыню чести в ней! Да не падет
Храм разума ее. Пошли ей сил,
Чтоб выстоять могла она в несчастье,
Соединиться с мужем наконец
И царский на главу надеть венец.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Спальня Имогены. В углу стоит сундук.
Имогена читает, лежа в постели. В отдалении Елена.

Имогена

Кто там? Елена, ты?

Елена

Да, да, принцесса.

Имогена

Который час теперь?

Елена

Подходит полночь.

Имогена

Читаю три часа; глаза устали.

Загни листок вот тут и спать ложись.

Не уноси свечу, пускай горит;

А если ты часа в четыре встанешь,

То разбуди меня. Я засыпаю.

Елена уходит.

Вверяюсь вам, о боги. Охраните

Меня от искусителей ночных

И духов злых, молю!

(Засыпает.)

Из сундука вылезает Якимо.

Якимо

Трещит сверчок, и дух усталый ищет

Во сне отдохновенья. Так Тарквиний,

Раздвинув полог тихо, разбудил
Невинность оскорбленьем. Киферея!
Ты украшенья ложа своего,
Ты лилий чище и белее простынь.
О, если бы я мог тебя коснуться!
Один лишь поцелуй! Всего один...
Желанные уста ее - рубины,
Ее дыханье аромат струит;
Огонь свечи к ней клонится и хочет
Взглянуть под сень ресниц и увидеть
Покровом нежных век прикрытый свет,
Струящийся из глаз ее лазурных...
Но должен я все в комнате запомнить
И записать... вон там окно... картины...
Они изображают... Ах, вот если б
Найти приметку у нее на теле...
Ведь это было бы куда важнее,
Чем тысячи предметов обстановки,
Для подтвержденья лжи моей. О сон,
Ты обезьяна смерти, охвати
Ее сильней, чтоб Имогена стала
Бесчувственной, как изваянье в храме.
Стащу-ка я браслет с ее руки!
(Снимает с ее руки браслет.)
Снимайся же! Так снять его легко,
Как узел гордиев распутать трудно.
Он мой! И это столь же непреложно,
Как то, - что муж ее сойдет с ума,
Едва его увидит. А вот здесь,
Под левой грудью, родинка у ней:
Пять пятнышек - как пять пурпурных точек
На венчике у буквиц. Вот улика!
Сильней не нужно даже и в суде.
Поверит Постум, что, сорвав замок,
Клад чести я украл. Чего же больше?
Зачем писать? Запечатлелось все
И в память врезалось. Она читала
Историю Терей; загнут лист
На месте, где сдается Филомела.
Пора опять в сундук. Замкну пружину.
Скорей, драконы тьмы! Не то рассвет

Заставит очи ворона ослепнуть.
Как страшно стало мне... Скорей назад!
Хоть ангел здесь, но в этих стенах ад.
Бьют часы.
Один, два, три - пора, пора мне скрыться.
(Прячется в сундук.)

СЦЕНА 3

Комната, примыкающая к покоям Имогены.

Входят Клотен и двое вельмож.

Первый вельможа

Вы, принц, поразительно спокойно относитесь к проигрышу. Я никогда не видал такого хладнокровного игрока.

Клотен

Когда проигрываешься в пух и прах, поневоле чувствуешь холод.

Первый вельможа

Но редко кто так мирится с проигрышем. Зато, выигрывая, вы становитесь сущим дьяволом.

Клотен

Еще бы! Выигрыш горячит и бодрит! Овладеть бы мне только этой дурой Имогеной! Вот тогда бы я набил золотом карманы! - Что это?

Светает?

Первый вельможа

Уже утро, принц.

Клотен

Так тащите сюда музыкантов! Мне советовали каждое утро преподносить Имогене порцию музыки!

Входят музыканты.

Живей! Живей! Настраивайте инструменты! Для начала сыграйте какую-нибудь штучку, а потом великолепнейшую арию с такими забористыми словечками - вот тогда посмотрим, что будет. Если вам удастся расшевелить ее пальцами, я довершу дело языком. А не захочет, пусть делает что хочет.

Песня

Чу! Жаворонка песнь звончей

Несется с высоты;

Проснулся Феб - его коней

Росой поят цветы.

Открылись ноготков глаза

Златисты и чисты.

Как все прекрасное, вставай,

Любовь моя, и ты!

Вставай! Вставай!

Хватит! Проваливайте! Если это на нее подействует - честь и слава вашей музыке. Нет - так, значит, уши у нее с изъязном и, сколько ни пили конским волосом по бараньей кишке, - не поможешь.

Входят Цимбелин и королева.

Второй вельможа

Король идет!

Клотен

Вот и чудесно, что я не ложился спать. Теперь можно сказать, что чуть свет - я уж на ногах! Король обрадуется, что я так люблю его дочь. С добрым утром, ваше величество, с добрым утром, матушка!

Цимбелин

Суровой нашей дочери ты ждешь

Здесь у дверей? Она не выходила?

Клотен

Я пытался атаковать ее слух музыкой, но она не обратила на меня ни малейшего внимания.

Цимбелин

Грустит она об изгнанном супруге,

Но время неминуемо сотрет

В душе ее печать воспоминаний;

Тогда она - твоя.

Королева

Ты королю

Обязан всем, тебя он превозносит

И хвалит дочери, он твой ходатай,

Но ты и сам пленить ее старайся,

Влюби ее в себя. Ее отказы

Пускай твое усердие умножат.

Пусть мнит она, что жизнь ты посвятил

Служенью ей; не спорь, не ссорься с нею,

Но, если с глаз она тебя погонит,

Стань глух и нем.

Клотен

Что? Глух и нем! Ну нет!

Входит гонец.

Гонец

Явились, государь, послы из Рима.

Средь них Кай Луций.

Цимбелин

Благородный муж!

Он прибыл к нам сейчас с недоброй целью,
Но в том не виноват и будет принят,
Как сан того, кем послан он, велик.
Он в прошлом нам оказывал услуги,
И мы должны почтить его. - Мой сын,
Поговорив с невестой, возвратись,
Чтоб вместе нам принять посла из Рима. -
Пойдемте, королева.

Цимбелин и королева уходят.

Клотен

Коль проснулась,
Я с ней поговорю, а если нет,
Пускай лежит и грезит.

(Стучит в дверь.)

Эй, откройте!

Служанки с ней... А если подкупить
Одну из них? Все двери распахнет
Пред нами золото. Оно заставит
Лесничих изменить самой Диане
И гнать ее оленя прямо к вору;
Невинного убьет, спасет злодея,
А иногда обоих в петлю сунет;
Все золото устроит и расстроит!
Найму-ка я ходатаем своим
Ее служанку. Сам я не мастак
В таких делах. Откройте, эй, откройте!
Входит придворная дама.

Дама

Кто здесь стучит?

Клотен

Вельможа.

Дама

Как! И только?

Клотен

А также сын весьма вельможной дамы.

Дама

Немногие из тех, кому портной
Обходится так дорого, как вам,
Похвастать могут этим. Что угодно?

Клотен

Принцессу мне. Она готова?

Дама

Да,

Готова в комнате своей остаться.

Клотен

Послушайте, вот золото, берите,

Мне слава добрая нужна.

Дама

Но чья же?

Моя? Иль я должна ославить вас?

Сюда идет принцесса.

Входит Имогена.

Клотен

Прекрасная сестрица, с добрым утром.

Позвольте ручку.

Имогена

С добрым утром, принц.

Хлопочете вы, право, понапрасну.

Вам в благодарность лишь скажу, что я

Настолько благодарностью бедна,

Что уделить ее вам не смогу.

Клотен

Но я клянусь в любви.

Имогена

Не все равно ли,

Клянетесь вы иль просто говорите -

Я слушать не хочу.

Клотен

Что за ответ?

Имогена

Я с вами говорю лишь для того,

Чтоб вы молчанье не сочли согласьем.

Оставьте наконец меня в покое;

Лишь резкость встретят ваши угожденья.

Ужель такому умнику, как вы,

Отказ мой не понятен?

Клотен

Вы безумны!

В таком безумье вас грешно оставить,

И я не согрешу.

Имогена

На этом свете

Лишь дураки с ума не сходят.

Клотен

Что?

Так я дурак?

Имогена

Раз я безумна - да.

Отстаньте - и пройдет мое безумье;

Мы оба исцелимся. Принц, мне жаль,

Что я приличья из-за вас забыла

И так резка. Раз навсегда поймите:

Я не люблю вас. Говорю открыто,

Свое проверив сердце. До того

Мне чуждо снисхождение к вам, что вас

До глубины души я ненавижу.

Простите, но, пойми вы это сами,

Я не была бы так дерзка.

Клотен

Но вы

Грешите непокорностью отцу.

Ваш брак с безродным, недостойным нищим,

Которому из милости кидали

Объедки с царского стола, - не брак!

Пусть черни низкой, как и Постум ваш,

Разрешены те узы, от которых

Плодятся только нищие ублюдки, -

Но вы принцесса, вы от уз таких

Ограждены престолом, и не вам

Пятнать свой сан с рабом, отребьем грязным,

Наемником, рожденным для ливреи,

С каким-то приживалом, недостойным

Быть даже свинопасом.

Имогена

Негодяй!

Будь ты потомком солнца самого,

Знай, и тогда ты был бы недостойн

Его рабом назваться. Для тебя

Великой честью было бы служить

Подручным палача в его владеньях,

Где с ненавистью думали бы все,

Что ты не по заслугам вознесен.

Клотен

Чума его возьми!

Имогена

Всего обидней,

Что смеешь ты пятнать хулою низкой

Супруга моего. Его обноски

Дороже мне волос твоих, хотя бы

От каждого из них родился принц

Такой, как ты! - Пизанио, сюда!

Клотен

"Его обноски"!.. Дьявол побери...

Входит Пизанио.

Имогена

Пришли ко мне служанку Доротею.

Клотен

"Обноски"!..

Имогена

До сих пор еще дурак

Преследует меня, пугает, бесит.

Вели служанке поискать браслет.

Наверно, он упал с моей руки

Во время сна. Пусть перероют все!

Супруг мне подарил его, прощаясь,

И я вовек его не променяла б

На все сокровища любого царства.

Он, кажется, при мне был нынче утром,

А ночью, твердо помню, на руке,

Его я целовала, и надеюсь -

Не побежал он к мужу рассказать,

Что без него другого я целую.

Пизанио

Найдется он.

Имогена

Наверно. Поищите.

Пизанио уходит.

Клотен

Я вами оскорблен! "Его обноски"!

Имогена

Да, то мои слова. Подайте в суд.

Клотен

Я королю скажу.

Имогена

И королеве;
Она меня так любит, что поверит
И худшему. Итак, прощайте, принц,
Я оставляю вас. Беситесь вволю.

(Уходит.)

Клотен

"Его обноски"! О! Я отомщу!

(Уходит.)

СЦЕНА 4

Рим. Комната в доме Филарио.

Входят Постум и Филарио.

Постум

Синьор, не бойтесь! Я б хотел так верить,
Что милость короля верну я вновь,
Как верю в честь ее!

Филарио

Что ты предпринял
Для примиренья с ним?

Постум

Да ничего.

Быть может, переменится погода.

Пока что замерзаю я, хоть верю.

Что теплых дней дождусь; благословляю

Я вашу доброту; но, если рухнут

Надежды эти, вашим должником

Умру.

Филарио

Ты обществом своим и дружбой

За все с избытком платишь мне. Наверно,

Король уж принял Августа послов.

Кай Луций выполнит наказ успешно,

Получит дань, сберет все недоимки,

Иль римляне, которых не забыли

Еще в Британии, в нее ворвутся.

Постум

Хоть не политик я и им не стану,

Но полагаю - быть войне. Скорей

Услышит мир, что ваши легионы

В Британию вступили, чем известье,

Что дань платить мы согласились Риму.

Британцы ныне опытней, чем прежде,

Когда ваш Юлий Цезарь потешался
Над неумением их, хоть и не раз,
Смущенный их отвагой, хмурил брови.
Теперь же наше ратное искусство
И храбрость явствуют, что наш народ
Шагает в ногу с веком.

Входит Якимо.

Филарио

Уж вернулись?

Постум

Олени, видно, мчали вас по суше,
А ветры целовали паруса,
Гоня корабль обратно.

Филарио

Мой привет!

Постум

Надеюсь, из-за краткости ответа
Вернулись быстро вы?

Якимо

Супруга ваша

Прелестней всех, кого я в жизни видел.

Постум

И лучше всех. Иначе бы пленяла
Ее краса лишь лживые сердца,
Обманывая их.

Якимо

Вот вам письмо.

Постум

Приятное, надеюсь?

Якимо

Да, быть может.

Филарио

В Британию не прибыл ли при вас
Кай Луций храбрый?

Якимо

Там его все ждали,
Но он не прибыл.

Постум

(читая письмо)

Все пока отлично.

Еще сверкает перстень мой? Не стал

Он плох для вас?

Якимо

Что ж, проиграй я перстень

Я б отдал золото. Но я готов

И вдвое дальше съездить ради ночи

Столь сладостной и быстро промелькнувшей,

Какую там провел. Ваш перстень - мой!

Постум

Взять перстень трудно...

Якимо

Нет! Супруга ваша

Труд облегчила мне.

Постум

Не прячьте, сударь,

За шуткой неудачу. Нам друзьями

Не быть, конечно.

Якимо

Отчего же нет?

Ведь вы условие помните? Вернись я.

Не насладившись вашею женой, -

Мы дрались бы. Но говорю открыто -

Я выиграл и честь ее и перстень

И не обидел ни ее, ни вас,

Раз действовал с согласия обоих.

Постум

Докажете, что с ней делили ложе, -

Дам руку вам и перстень. Если ж нет -

За гнусный наговор на честь ее

Ваш меч иль мой хозяина лишатся,

Иль оба сразу пусть осиротеют

И подберет их кто-нибудь в пыли.

Якимо

Рассказ мой точен, вам придется верить.

Могу дать клятву - впрочем, вам едва ли

Потребуется клятвы...

Постум

Говорите!

Якимо

Итак, во-первых, спальня, где не спал я

(Признаюсь, было от чего не спать),

Коврами среброткаными обита;

Один из них изображает нам,
Как встретились Антоний с Клеопатрой;
Другой - как Кидн из берегов выходит
От спеси иль под тяжестью судов.
Работа так искусна, так богата,
Что спорит мастерство с ценою ткани.
Не мог я надивиться, сколь прекрасно
И ярко выткано - все, как живое...

Постум

Да, верно. Но могли вы это слышать
От многих.

Якимо

Что ж, подробности иные
Рассказ мой подкрепят.

Постум

Давайте их,
Иль обвиню вас в клевете!

Якимо

Камин

На южной стороне украшен дивной
Фигурою купальщицы Дианы.
Столь совершенных статуй я не видел,
Ваятель просто превзошел природу!
Он дал богине жизнь; ей не хватает
Дыханья и движенья лишь.

Постум

И это

Могли вы слышать от кого угодно:
О ней толкуют много.

Якимо

Потолок

Амурами украшен золотыми.
Чуть не забыл! - Подставками камину
Два дремлющие купидона служат:
Они стоят, на факел опершись.

Постум

А честь ее при чем? Допустим, все
Вы видели, - хвалю я вашу память.
Но описание обстановки - это
Еще не доказательство.

Якимо

Ах вот как!

Бледнейте, если можете.

(Достает браслет.)

Смотрите -

Одну вам драгоценность покажу.

Вы видели? Так... А теперь верните:

Ее соединю я с вашим перстнем

И спрячу хорошенько.

Постум

О Юпитер!

Еще раз дайте мне взглянуть... Тот самый?

Подарок мой?

Якимо

Я так ей благодарен.

Она сняла его - я до сих пор

Прелестное движенье это вижу,

Оно превосходило самый дар

И ценность увеличило его.

Браслет мне протянув, она шепнула,

Что прежде он ей дорог был.

Постум

Неправда!

Сняла она его, чтоб мне послать!

Якимо

Она так пишет, да?

Постум

О нет, нет, нет.

Вы правы. Вот, берите перстень мой!

Он ранит взор мне. Он, как василиск,

Убьет меня. Что ж это? Неужели,

Где красота, нет чести? Правды нет,

Где показное все, и нет любви,

Едва появится другой мужчина?

Обеты женщин так же ненадежны,

Как вся их добродетель напускная.

О, лживость без предела!

Филарио

Успокойся!

Возьми кольцо - еще не проиграл ты.

Она браслет могла и потерять,

Иль кто-нибудь служанку подкупил,

И та его украла.

Постум

В самом деле!

И он им завладел. - Отдай мне перстень.

Я требую улик верней. Скажи

Какую-нибудь тайную приметку

На теле у нее. Браслет украден!

Якимо

Юпитером клянусь, я взял браслет

С ее руки.

Постум

Вы слышите, клянется!

Юпитером клянется - значит, правда!

Нет, нет, она браслет не потеряла б;

Служанки все честны и не польстятся

На подкуп, да еще от чужеземца.

Да, ею он владел. И вот улика

Ее паденья. Дорогой ценой

Она купила званье шлюхи. - Вот!

Бери заклад! Пусть дьяволы разделят

Его с тобой.

Филарио

Приди в себя! Опомнись!

Все это недостаточно, не должен

Так слепо верить ты.

Постум

Ни слова больше!

Он ею наслаждался.

Якимо

Мало вам?

Тогда еще скажу - у ней под грудью,

Достойной ласк, есть пятнышко; гордится

Оно своим пленительным местечком;

Клянусь, я целовал его и голод

Вновь возбудил в себе, хоть был я сыт.

Вы помните то пятнышко?

Постум

О да!

И о другом пятне оно кричит,

Таком большом, что лишь в аду оно

Вместиться может, ад собой заполнив.

Якимо
Еще?
Постум
Брось арифметику свою!
Мне все равно, одна была измена
Иль миллион.

Якимо
Клянусь...
Постум
Нет, не клянись.
Поклявшись мне в противном, ты солжешь.
Убью, коль станешь отрицать, что мне
Рога наставил.

Якимо
Отрицать не стану.
Постум
Я растерзать готов ее сейчас!
Туда отправлюсь. Там покончу с ней
Я на глазах ее отца... Так будет...
(Уходит.)

Филарио
Он вне себя. Вы выиграли, сударь.
Пойдем за ним. Он в бешенстве способен
На все решиться.

Якимо
Что же, я готов.
Уходят.

СЦЕНА 5

Там же. Другая комната.

Входит Постум.

Постум
Ужель мужчине без участия женщин
Нельзя родиться? Да, мы все ублюдки!
И тот почтенный человек, кого
Отцом я звал, был неизвестно где,
В то время как какой-нибудь молодчик
Меня своим чеканил инструментом,
Фальшивую монету создавая.
И все же мать моя слыла Дианой,
Как и жена слывет. О мщенье! Мщенье!
Она стыдилась ласк моих законных,

Как часто, вся зардевшись, умоляла
Сдержанней нетерпеливый пыл страстей
С такою скромностью и так смущаясь,
Что сам старик Сатурн воспламенился б.
Казалось мне, она была чиста
Как снег, не тронутый лучами солнца.
О дьявол! А смазливый итальянец
В один лишь час, да что там в час - в минуту,
И слова не промолвив одного,
Как досыта нажравшийся кабан
Лесов германских, только хрюкнул "хо" -
И взял ее. Не встретил никаких
Препятствий даже, разве лишь подумал,
Что встретит их, и ждал сопротивленья.
О, если б мог я истребить, исторгнуть
Все женское из собственного сердца!
От женщин в нас, мужчинах, все пороки.
От них, от них и мстительность, и похоть,
Распутство, честолюбье, алчность, спесь,
И злой язык, и чванство, и причуды!
Пороки все, какие знает ад,
Частично ль, целиком - да, целиком -
У нас от женщин! И в самих грехах
Они непостоянны!.. Все обман!
Спешат они, одним грехом пресытятся,
Сменить его на тот, что поновее.
Кричать о них я буду, бичевать,
Их проклинать и ненавидеть! Нет,
Чтоб мщение мое насытит вволю,
Молить я буду дать во всем им волю!
Сам дьявол худшей пытки им не сыщет!
(Уходит.)

АКТ III

СЦЕНА 1

Британия. Тронный зал во дворце Цимбелина.
Входят с одной стороны Цимбелин, королева, Клотен
и вельможи; с другой - Кай Луций со свитой.

Цимбелин

Итак, чего желает Август Цезарь?

Луций

Когда Кай Юлий Цезарь, о котором

Пребудет до скончанья века память,
Ваш край завоевал, Кассивелаун,
Твой славный дядя по заслугам чтимый
Победоносным Цезарем самим,
Дал обещанье об уплате Риму
Трех тысяч фунтов дани ежегодно.
Но ты ее не платишь.

Королева
И по праву
Платить не будет.

Клотен
Цезари рождаются
В большом числе, но Юлий был один.
Британия сама - отдельный мир.
И за ношенья собственных носов
Платить мы не хотим.

Королева
Все, что у нас
Вы отняли, мы возратить сумеем. -
Король мой, вспомните о ваших предках!
Наш остров укреплен самой природой;
Как парк Нептуна, окружен и замкнут
Грядюю рифов, грозною пучиной,
Песками, что судов не примут вражьих,
Но засосут по мачты их. Сам Цезарь,
Хоть одержал подобие победы,
Не мог, воюя с нами, похвалиться
Своим "пришел, увидел, победил".
Впервые со стыдом он был отброшен
От наших берегов и дважды бит.
Суда его - игрушки в нашем море -
Носились, как скорлупки, на волнах,
Дробясь о скалы, и Кассивелаун,
Успехом окрыленный, был готов
(Изменчива Фортуна!) выбить меч
У Цезаря. Он город Люду ярко
Огнями озарил, вливая бодрость
В сердца британцев.

Клотен
Да что там долго толковать! Не будем мы больше платить дани, и все
тут! Государство наше теперь посильней, чем было тогда, да и Цезарей

таких больше нет. У нынешних носы, может, и по- горбатеи, да руки покороче.

Цимбелин

Сын мой, дай договорить королеве.

Клотен

Среди нас найдутся такие, у которых хватка не хуже, чем у Кассивелауна. Не скажу, что я из их числа, но и у меня тоже кулаки здоровые. Какая такая дань? Почему это мы должны платить ее? Вот если бы Цезарь завесил солнце простыней или луну себе в карман сунул - ну, тогда бы мы ему за свет платили. А теперь - дудки, не будет вам никакой дани, понятно?

Цимбелин

Ты должен знать, Кай Луций, что, пока Нас не заставил дерзкий, хищный Рим Платить вам дань, свободны были мы. Но Цезарь в честолюбье безграничном, Раздувшемся, заполнившем весь мир, Надел на нас ярмо несправедливо, С которым мы, воинственный народ, Не захотим смириться никогда.

И Цезарю мы ныне заявляем:

Мульмуций предком нашим был; он создал Законы наши. Их изранил Цезарь Мечом своим - и мы своею властью Должны восстановить и укрепить их, Хотя бы Рим и гневался. Мульмуций, Законодатель наш, из бриттов первый Коронай золотою был увенчан И королем назвался.

Луций

Сожалею,

Что слышу эту речь. Великий Цезарь, Под чьею властью больше королей, Чем у тебя придворных, - ныне враг твой! От имени его провозглашаю Британии войну и разоренье. Знай, беспощаден будет гнев его! А за прием - благодарю.

Цимбелин

Будь гостем.

В сан рыцаря возвел меня твой Цезарь,

И я служил ему. Он дал мне честь,
Но, прежде чем ее отнимет вновь,
Я за нее сражаться буду насмерть.
Известно, что паннонцы и далматы.
Восстали за свободу. Не последуй
Мы их примеру доблестному, люди
Сочтут британцев трусами. Но трусов
Не встретит Цезарь здесь!

Луций

Война решит.

Клотен

Его величество рад вам. Проведите с нами денек-другой, а погостится, так и дольше. А вернетесь к нам с иными намерениями, найдете нас на том же острове, опоясанном соленой водицей. Удастся вам выбить нас с острова - ваше счастье, берите его себе! Костью поляжете - тем лучше, знатная закуска достанется вашим воронам. Другого ничего не скажешь.

Луций

Да, принц.

Цимбелин

Мысль Цезаря я знаю, он - мою.

А в остальном - я рад тебе, Кай Луций.

Уходят.

СЦЕНА 2

Другая комната во дворце.

Входит Пизанио, читая письмо.

Пизанио

Как! Неверна она? Что ж ты не пишешь,

Кто подлый клеветник! О мой хозяин,

Ужель твой слух податливый отравлен

Каким-нибудь коварным итальянцем,

Носящим яд на языке и в мыслях?

Ее в измене ты винишь? О нет!

Скорей за верность мучится она,

Не женщине подобна, а богине,

Снося такие горькие обиды,

Которые могли бы сокрушить

Любую добродетель! Господин мой!

Ты стал душою ниже, чем она,

Как прежде ниже был происхождением.

Ты требуешь, чтоб я во имя клятвы

Любви и долга, что я дал тебе,
Убил ее? Чтоб кровь ее я пролил?
Коль это значит хорошо служить,
Так мне усердным не бывать слугою.
Бесчеловечным ты меня считаешь,
Коль думаешь, что я решусь на это.
(Читает.)

"Исполни все. Она, прочтя письмо,
Сама тебе поможет". Лист проклятый!
Черней чернил, которыми написан!
Бесчувственный лоскут, и ты участник
Чудовищного, подлого злодейства,
Хоть с виду чист и бел! - Она идет.
Прикинусь, будто ничего не знаю.
Входит Имогена.

Имогена

Что нового, Пизанио?

Пизанио

Письмо, от господина моего.

Имогена

От твоего? Мой господин он, мой!
Ах, сколь великим слыл бы меж людьми,
Сколь глубоко грядущее постиг бы
Тот звездочет, который знал бы звезды,
Как почерк мужа знаю я. О боги!
Пусть эти строки о любви твердят,
О том, что он доволен и здоров
И лишь страдает от разлуки. Пусть!
Пусть он грустит из-за нее. Порой
Целительна и скорбь, а скорбь такая
Полезна для любви. Будь всем доволен,
Лишь не разлукой нашей. - Милый воск,
Сниму тебя. Благословенны пчелы
За воск, хранящий тайны. Молят разно
Богов любовники и должники.
Виновным ты грозишь тюрьмою, воск,
Но охраняешь тайны Купидона.
Весть добрую пошлите мне, о боги!
(Читает.)

"Ни грозный суд, ни гнев твоего отца, если он схватит меня в своих
владениях, не смогут поразить меня, бесценная, если ты бросишь на

меня свой животворный взор. Знай же, я нахожусь в Камбрии, в Мильфордской гавани; поступи так, как велит тебе твоя любовь. Я желаю тебе всяческого счастья, любимая, и остаюсь верным своим клятвам и любви, растущей с каждым днем. Леонат Постум".

Коня! Коня! Крылатого коня! -

Он в Мильфорде! Прочти! Далеко ль это?

Коль тащатся из-за ничтожных дел

Туда неделю, я домчусь и в сутки!

Пизанио мой верный, ты ведь тоже

С ним жаждешь встречи, так же как и я?

Ах нет, не так, как я! Я - бесконечно,

Ты - меньше, правда? О, скажи скорей

И громче, громче. Ты, любви наперсник,

Ты должен слух мой радостью наполнить,

Рассудка голос заглушив. Далеко ль

Желанный Мильфорд? Как счастлив Уэльс,

Владея гаванью такой! Но прежде

Скажи, как ускользнуть нам из дворца?

Как объяснить часы отлучки нашей?

Но главное - как выбраться? Да нет!

К чему искать заранее оправданий

Проступку, не свершенному еще?

Мы после их найдем. Ответь мне, сколько

Десятков миль проскачем за день мы?

Пизанио

По двадцать миль с рассвета до заката,

И то с большим трудом, принцесса.

Имогена

Что?

Да человек, плетущийся на казнь,

Не медлит так. Быстрее песка в часах,

Я слышала, на скачках кони мчатся.

Ах нет, все это глупости. Иди

Скажи моей служанке, чтоб она

Прикинулась больной и отпросилась

Домой к отцу. Немедленно достань

Простое платье для дороги мне,

Как у крестьянок здешних.

Пизанио

Госпожа,

Обдумать надо...

Имогена

Нет, вперед, вперед!

Все, что кругом, что справа, слева, сзади,

Бледнеет, как в тумане, предо мной.

Беги же. Все исполнить не забудь.

О Мильфорд! Лишь туда ведет мой путь!

Уходят.

СЦЕНА 3

Уэльс. Гористая местность. В скалах пещера.

Из пещеры выходит Беларий; за ним Гвидерий и Арвираг.

Беларий

День слишком ясен, чтоб сидеть под крышей

Столь низкой. Сыновья мои, нагнитесь.

Вас учит этот вход склонять главу

Пред небесами в утренней молитве.

У королей так кровля высока,

Что и гигант пройдет под ней, не сняв

Чалмы надменной для поклона солнцу.

Так будь благословенно ты, о небо!

В пещере мы живем уж много лет,

Но благодарны более тебе,

Чем жители дворцов.

Гвидерий

Привет, о небо!

Арвираг

Привет!

Беларий

Теперь пора и на охоту -

Вам, легконогим, вон на тот утес,

А мне в долину. И когда я сверху

Вам покажусь с ворону, то заметьте,

Что место, на котором мы стоим,

Нас умалить иль возвеличить может.

Тогда припомните мои рассказы

О принцах, о дворцах, делах военных.

О том, что свет не по заслугам чтит,

А за уменье льстить. И, помня это,

Вы пользу извлечете из всего.

Утешьтесь тем, что жук короткокрылый

Порой надежней защищен бывает,

Чем воспаривший в облака орел.

Поверьте, дети, наша с вами жизнь
Достойней прозябанья в суете
И вечном униженье. Мы богаче
Подачками живущих вертопрахов
И благородней щеголей нарядных,
Берущих в долг шелка свои; торговец
С поклоном провожает их, однако
Не вычеркнет из списка должников.
Нет! Мы счастливей их!

Гвидерий

Ты видел свет,
А мы еще бескрылые птенцы,
Гнезда не покидавшие; нам даже
Окрестный воздух незнаком. Конечно,
Коль счастье заключается в покое -
Мы счастливы. Ты, знавший столько горя,
Покою рад под старость. Но для нас
Такая жизнь в неведение - темница,
И мы, как должники, порог ее
Переступить не смеем.

Арвираг

Что мы сможем,
Состарившись, как ты, поведать людям?
Как дни в пещере этой душной, мрачной,
Под шум дождя и злой декабрьский ветер
Мы станем коротать? Мир незнаком нам.
Как звери мы; хитрей лисы в охоте,
Смелей волков в погоне за добычей.
В чем доблесть наша? Затравить бегущих?
Из клетки сделав клирос, мы, как птицы,
Свою неволю сами воспеваем.

Беларий

Что слышу я! Когда б вы только знали
Всю мерзость городов! С придворной жизнью
Расстаться трудно, но еще труднее
Жить при дворе. Путь к славе -- путь к паденью;
Так скользок он, что страх упасть страшней
Паденья самого! А ратный труд?
Ты ищешь славы в доблестном бою,
А смерть найдешь - тебя же и помянут
Позорною хулой за славный подвиг.

Как часто доблесть клеветой встречают!
И, что всего ужасней, ты покорно
Несправедливость вынужден сносить!..

О дети! Мир на мне прочесть бы мог
Всю эту повесть. От мечей врага
Я весь в рубцах; я был в зените славы,
Сам Цимбелин любил меня; едва
Речь заходила о храбрейших - тотчас
В устах у всех мое звучало имя.

Я был подобен дереву, что гнется
Под тяжестью плодов; и в ночь одну
Вор или вихрь - зовите как хотите -
Унес мою листву, меня оставив
Нагим под стужей.

Гвидерий

Как превратно счастье!

Беларий

Клянусь, за мною не было вины,
Но два лжеца монарху нашептали,
Что с Римом в тайный сговор я вступил,
И клевета их восторжествовала
Над честностью моей. Меня изгнали.
Уж двадцать лет, как этот лес и скалы -
Мой мир. Здесь на свободе я живу
И небу возношу хвалу усердней,
Чем в дни былые. - Но пора вам в горы.
Охотник быть не должен краснобаем.
Кто первый дичь подстрелит - тот король
На нашем пиршестве, другие двое -
Прислужники. Мы можем не бояться,
Что пищу нам предательски отравят,
Как во дворце. Мы встретимся в долине.

Гвидерий и Арвираг уходят.

Да, трудно подавить в себе природу.

Не знают юноши, что оба - принцы,

А Цимбелин - что живы сыновья.

Они меня своим отцом считают,

Но хоть возрастил я их в пещере низкой,

Где в рост не встать, и в бедности - однако

Они мечтой стремятся во дворец

И царственность природы их видна

Во всем, чему других и не научишь.
Так Полидор, наследник Цимбелина, -
Король его Гвидерием назвал, -
Когда, усевшись на трехногий стул,
Я речь веду о подвигах военных,
С восторгом пламенным внимает мне.
Едва скажу: "Так пал мой враг, а так
Я наступил ему ногой на шею", -
К его щекам кровь царственная хлынет,
Пот выступит, и в страшном возбужденье
Он жестами рассказ мой дополняет.
Брат младший Кадвал - прежде Арвираг -
К моим речам внимателен не меньше,
Свой нрав горячий выдавая... - Чу!
Они спугнули зверя... - О король!
Известно только совести моей
Да небу, что безвинно изгнан я
И потому твоих детей похитил,
Лишив тебя наследников, как ты
Лишил меня всего. А Эврифила,
Кормилица, им заменила мать,
И чтут они досель ее могилу,
Меня ж, Белария, - теперь я Морган -
Отцом зовут. - Да, началась охота!
(Уходит.)

СЦЕНА 4

Местность близ Мильфорда.
Входят Пизанио и Имогена.
Имогена
Сойдя с коня, сказал ты: "Мильфорд близко".
Сильнее, чем впервые рвется мать
К младенцу своему, я к мужу рвусь.
Пизанио! Где Постум? Что с тобой?
Зачем глядишь так дико? Что за вздохи?
Нарисовать бы так кого-нибудь -
И он казался б воплощеньем скорби.
Ах, измени свой страшный вид, иначе
С ума могу сойти я. Что случилось?
Ты так зловеще подаешь письмо!
В нем вести о весне? Так улыбнись!
Иль о зиме? Тогда твой вид уместен.

Пизанио подает ей письмо.
Рука супруга! Он в беде! Его
В проклятом этом Риме отравили?
О, говори скорей! Твои слова
Смягчат удар, а коль сама прочту -
Умру на месте.

Пизанио

Нет, прошу, читайте.
И вы увидите, как я, несчастный,
Судьбой наказан зло.

Имогена

(читает)

"Твоя госпожа, Пизанио, оказалась потаскушкой и опозорила мое
брачное ложе. Сердце мое облилось кровью от доказательств ее
измены. Я говорю не о каких-то ничтожных подозрениях;
доказательства так же сильны, как мое горе, и так же верны, как,
надеюсь, будет мое мщение. Ты должен отомстить за меня, Пизанио,
если ее измена не поколебала твоей верности. Лиши Имогену жизни
твоей собственной рукой. Эта возможность представится тебе в
Мильфордской гавани, куда завлечет ее мое письмо. Если ты
побоишься убить распутницу и не уверишь меня в ее смерти, значит,
ты сообщник ее бесчестья и изменил мне так же как она".

Пизанио

Мне вынуть меч? Зачем, когда и так
Ей горло перерезало письмо?
Нет, жало клеветы острее меча,
Укус - опасней яда нильских змей;
Дыхание ее на крыльях бури
Летит, все уголки земли пятная,
Черня царей, цариц, и дев, и жен,
И даже тайны склепов отравляет
Ехидна клеветы. - Мой бог! Что с вами?

Имогена

Я - неверна?.. Что значит быть неверной?
Лежать без сна и думать о любимом
И плакать без конца? Глаза смежить,
Когда над горем верх возьмет усталость,
И тотчас в страшном сне его увидеть
И с криком пробудиться? Это значит
Неверной быть? Скажи!

Пизанио

Увы, принцесса...

Имогена

Я - неверна? Будь, Якимо, свидетель,
Когда винил ты Постума в распутстве,
Тебя я подлецом сочла. А ныне
Я вижу, ты не лгал. Он околдован
Какою-нибудь римскою сорокой,
Румянами наведшей красоту.
А я плоха, я - платье не по моде,
Но слишком дорогое, чтоб висеть
На стенке. Ну так режь меня, кромсай!
Предательство для нас мужские клятвы!
О мой супруг! Из-за твоей измены
Все доброе на свете стало злым
И лицемерным - нет добра для женщин,
Все фальшь, приманка!

Пизанио

Госпожа, постойте...

Имогена

Честнейшим людям верить перестали
Из-за лжеца Энея. Плач Синона
К святым слезам других убил доверье
И состраданье к подлинному горю.
Так, Постум, ты людей пятнаешь честных
Своим поступком. Благородство, доблесть -
В предательство, коварство обратились. -
Что ж медлишь ты, Пизанио? Скорей!
Хоть ты будь честным и приказ исполни.
А встретишь снова Постума - скажи,
Покорна я была. Вот посмотри,
Сама я вынула твой меч. Возьми же!
Рази приют любви невинный - сердце.
Не бойся: пусто в нем - одна лишь скорбь;
Там нет того, кто был его богатством.
Исполни же приказ, убей меня.
Был храбрым ты, но, кажется, сейчас
Ты трусишь?

Пизанио

Прочь, презренный меч! О нет,
Руки не оскверню тобой.

Имогена

Должна
Я умереть, и если это будет
Не от твоей руки, плохой слуга ты.
Самоубийство воспрещают боги,
И потому рука моя дрожит.
Скорей! Вот сердце... Грудь прикрыта чем-то?
Прочь! Прочь! Не надо сердцу лат. Пусть будет
Оно мечу послушно, как ножны.
Что это? Письма верного супруга?
Вы - ересь! Вы мою сгубили веру,
Не щит для сердца вы. Хоть может пастырь
Своею ложью обмануть глупцов,
В страданья ввергнув их, но и обманщик
От кары не уйдет!
О Постум, ты, заставивший меня
Ослушаться отца и государя
И предложенья принцев отвергать
С презрением надменным, - ты поймешь,
Что подвигом, какой не часто встретишь,
Была любовь моя. Мне горько думать,
Что ты, устав от ласк любви продажной,
Вздохнешь с тоскою, вспомнив обо мне. -
Скорей! Торопит мясника ягненок;
"Где нож твой?" Медлишь ты приказ исполнить,
Желанный для меня.

Пизанио

О госпожа,
Я, получив приказ, лишился сна.

Имогена

Исполни - и заснешь.

Пизанио

Пускай я раньше
От бдения ослепну.

Имогена

Так зачем же

Ты взялся выполнить его? Зачем
За столько миль завез меня обманом?
Зачем мы здесь в столь поздний час? Зачем
Ты так старался? Лошадей загнал?
И взволновал моей отлучкой двор,
Куда я больше не вернусь? Зачем,

Настигнув лань, ты тетиву ослабил?

Пизанио

Чтобы, подольше время оттянув,
Уйти от злого дела. Госпожа,
Я план придумал. Выслушать меня
Прошу.

Имогена

Что ж, дай работу языку.
Я потаскушкой названа! Нельзя
Сначала сердце мне пронзить, а после
Перевязать его. Но говори.

Пизанио

Отсюда не вернетесь вы.

Имогена

Конечно;
Ведь ты убьешь меня.

Пизанио

Не потому.
Будь так умен, как честен я, мой план
Счастливым оказался б. Мой хозяин
Введен в обман каким-нибудь лжецом,
Жестоко оскорбившим вас обоих.

Имогена

Распутницей из Рима?..

Пизанио

Нет, клянусь вам!
Я напишу, что вы убиты мною.
Он приказал, и я пошлю ему
Кровавую улику вашей смерти.
Исчезновение ваше из дворца
Все это подтвердит.

Имогена

А мне что делать?
Где жить? Скрываться? И к чему мне жизнь,
Раз для супруга буду я мертва.

Пизанио

Но стоит вам вернуться во дворец...

Имогена

Нет, ни к отцу, ни во дворец. Там Клотен,
Мучитель мой, ничтожный, грубый, наглый.
Он мне страшней, чем городу осада.

Пизанио

Тогда вам жить в Британии нельзя.

Имогена

Но где ж? А впрочем, разве солнце всходит

Лишь над одной британскою землею?

Британия - часть мира, но не мир -

В пруду большом гнездо лебязье. Люди

Живут не только в ней.

Пизанио

Я очень рад,

Что мыслью вы в других краях. Прибудет

Посланник Рима Луций завтра в Мильфорд.

Когда б свой облик изменить могли вы,

Скрыв то, что вам при вашей горькой доле

Опасно обнаружить, вы б сумели

Вступить на путь надежд и жить счастливо

Близ Постума, хоть и не видясь с ним,

Но слыша каждый день о нем рассказы

Молвы правдивой.

Имогена

Я на все готова!

Пусть скромности моей грозит опасность,

Лишь бы не чести.

Пизанио

В этом-то и суть.

Забудьте, что вы женщина, отныне.

Пусть робость, нежность - вечные служанки

Всех женщин, а верней - их украшение -

Уступят место дерзостной отваге,

Находчивости, пылкости; забудьте

О нежном цвете ваших щек - увы,

Иного средства нет, - пусть солнца луч

Целует жадно их. Забыть придется

Изящные наряды, безделушки,

Которым позавидовать могла бы

Сама Юнона.

Имогена

Говори скорее!

Мне ясен смысл твоих речей. Мужчиной

Себя уже я чувствую.

Пизанио

Сначала

Вам надо стать похожей на мужчину.
Я догадался сунуть в свой мешок
Камзол, штаны и шляпу, и другое,
Что будет нужно. Вы переоденьтесь,
Явитесь к Луцию и добивайтесь,
Чтоб взял он вас на службу. Расскажите,
В чем вы искусны; пойте для него;
Коль музыку он любит, то охотно
Возьмет вас. Человек он благородный
И, что всего важнее, строгих правил.
Я дам вам средства к жизни на чужбине
И буду впредь давать.

Имогена

Один лишь ты
Богами послан мне на утешенье.
Идем же. Надо многое обдумать,
Покуда время есть, и все, уладить.
Сейчас я воин и на этот риск
Иду с отвагой царской. Но скорее!

Пизанио

Нет, госпожа, простимся. Во дворце
Меня не видя, могут заподозрить,
Что я ваш соучастник. Вот вам ларчик,
Дар королевы. В нем состав бесценный.
Какой бы вас ни одолел недуг,
Один глоток - и все пройдет. Возьмите.
Теперь за дело! Там, в тени деревьев,
Примите вид мужской, и да помогут
Вам небеса.

Имогена

Аминь. Благодарю.
Уходят в разные стороны.

СЦЕНА 5

Комната во дворце Цимбелина.
Входят Цимбелин, королева, Клотен, Луций и
вельможи.

Цимбелин

Прощай! Счастливым путь.

Луций

Благодарю.

Мне Цезарь возвратиться повелел.
Поистине скорблю, провозглашая
Тебя врагом его.

Цимбелин

Народ не хочет
Под игом оставаться; а король,
Не поддержавший подданных своих,
Унизил бы свой сан.

Луций

Прошу тебя
До Мильфорда мне дать проводников.
Вам с королевою желаю счастья.

Цимбелин

(вельможам)

Вы будете посла сопровождать.
Ни в чем не нарушайте долг почтения!
Прощай, Кай Луций.

Луций

(Клотену)

Вашу руку, принц.

Клотен

Даю ее как друг, по скоро станет
Она рукой врага.

Луций

Покажет время,
Кто победит. Желаю всяких благ.

Цимбелин

Посла до переправы через Северн
Не покидайте, господа. Привет!

Луций и вельможи уходят.

Королева

Ушел он хмурясь; нам гордиться должно,
Что мы причина этого.

Клотен

Тем лучше;
Войны желают храбрые британцы.

Цимбелин

Кай Луций в Рим уже послал известье
О происшедшем здесь. Пришла пора
Готовить всадников и колесницы.
Войска, что в Галлии стоят сейчас,

Пополнит Рим, снабдит необходимым
И двинет их на нас.

Королева

Теперь придется
Нам действовать решительно и быстро.

Цимбелин

Предчувствуя, как дело обернется,
Готовились к войне и мы. Но где,
Скажите, наша дочь? Не появилась
Она перед послом и не почтила
Нас утренним приветом. Как я вижу,
Строптивости гораздо больше в ней,
Чем послушания. - Позвать ее! -
Мы слишком снисходительны к ней были.
Один из вельмож уходит.

Королева

Мой государь! С тех пор как изгнан Постум,
Она к уединению стремится,
И рану эту исцелит лишь время.
Молю вас, резко с ней не говорите;
Чувствительна она; и для нее
Упрек - удар; удар же - смерть.
Вельможа возвращается.

Цимбелин

Где дочь?
Чем непокорность может оправдать?

Вельможа

Ее покои заперты на ключ,
Как ни стучали - не было ответа.

Королева

Когда мы виделись в последний раз,
Принцесса умоляла извинить
Ее затворничество, уверяя,
Что только нездоровье ей мешает
К вам по утрам являться, и просила
Все это передать вам, но, простите,
Я в хлопотах забыла...

Цимбелин

Дверь закрыта?
Ее не видно? Небо, сделай ложным
Предчувствие мое!

(Уходит.)

Королева

(Клотену)

Ступай за ним.

Клотен

Я верного слугу ее Пизанио

Два дня не видел.

Королева

Все узнай. Ты слышишь?

Клотен уходит.

Пизанио - пособник Леоната!

Он взял мой яд. Ах, если б это зелье

Отсутствие слуги нам объяснило...

Ведь он в его целительность поверил.

Но где ж она? Куда исчезла вдруг?

Ах, если бы в отчаянье она

Или в пылу любви умчалась к мужу,

Себе готовя смерть или позор!..

Не все ль равно, каков ее конец?

Мне нужен лишь Британии венец!

Клотен возвращается.

Ну как, мой сын? Узнал?

Клотен

Она бежала!

Король безумствует! Никто не смеет

Приблизиться к нему.

Королева

Ну что ж, тем лучше.

О, если бы, судьбу свою кляня,

Не дожил он до завтрашнего дня!

Королева уходит.

Клотен

Люблю и ненавижу Имогену.

Она красива - истая принцесса;

Другие все, и дамы и девицы,

Пред ней - ничто. Ах, черт, она сумела

Все лучшее соединить в себе!

Она затмила всех, и вот за это

Я и люблю ее. Но, мной гнушаясь

И Постума презренного избрав,

Она свой вкус позорит и теряет

Всю прелесть для меня. Вот потому

Ее я ненавижу, буду мстить ей -

Лишь дураки...

Входит Пизанио.

Кто здесь? Ах, ты?.. - Приблизься!

Ты, значит, строишь козни, мерзкий сводник?

Ах, негодяй! Где госпожа твоя?

Ну, живо отвечай! Иначе вмиг

Тебя к чертям отправлю.

Пизанио

О мой принц!

Клотен

Принцесса где? Юпитером клянусь,

Спросил в последний раз я! Пес! Мошенник!

Я вырву тайну у тебя из сердца

Иль сердце вместе с тайной. С кем она?

Неужто с Постумом, с навозной кучей,

Где чести нет и зернышка?

Пизанио

Да что вы!

Как быть ей с ним? Когда ее хватились?

Он в Риме ведь.

Клотен

А где она? Стань ближе!

Свои увертки брось. Ответь мне толком,

Что с ней произошло?

Пизанио

Великий принц!

Клотен

Великий ты пройдоха!

Сейчас же говори, где госпожа?

Немедленно! Без "принцев" и "великих".

Ну? Смертный приговор себе подпишешь

Молчанием своим!

Пизанио

Вот, принц, письмо.

Там все, что о побеге госпожи

Известно мне.

(Подает письмо.)

Клотен

Посмотрим. Я за нею

До трона Цезаря намерен гнаться.

Пизанио

(в сторону)

Что делать мне? Иль это, или смерть.

Она далеко; не опасно ей,

Коль он за ней погонится.

Клотен

(читая письмо)

Ага!..

Пизанио

(в сторону)

Придется господину моему

Мне написать, что умерла она.

Прощай, о госпожа! Счастливым путь!

Скорей вернись. Благословенна будь!

Клотен

А письмо это не лжет?

Пизанио

Я полагаю, нет.

Клотен

Это рука Постума! Да, я ее знаю! - Эй, бездельник! Если ты перестанешь мошенничать и будешь верно служить мне, будешь точно и честно исполнять все мои приказания, какие бы они ни были бесчестные, то я буду считать тебя честным и можешь рассчитывать на мою помощь. Ты нужды знать не будешь, и я тебя вознесу.

Пизанио

Я согласен, мой добрый принц.

Клотен

Будешь ты служить мне? Ты так терпеливо и преданно служил этому нищему Постуму, что уж из одной благодарности станешь моим верным слугой. Будешь служить мне?

Пизанио

Буду, ваше высочество.

Клотен

Держи руку - вот тебе кошелек! Сохранилось у тебя какое-нибудь платье твоего бывшего господина?

Пизанио

Да, принц, у меня в комнате лежит то самое платье, в котором он прощался с госпожой перед отъездом.

Клотен

Иди и тащи сюда это платье. Пусть это будет твоей первой услугой.
Ступай!

Пизанио

Иду, ваше высочество! (Уходит.)

Клотен

Мне нужно застать ее в Мильфорде. Эх, черт, забыл спросить его, ну да это не уйдет. Вот так-то, Постум, негодяй ты этакий, я и убью тебя. Принес бы он поскорее платье! Она сказала - до сих пор у меня от этих слов сердцу желчью исходит! - что обноски Постума ей дороже моей светлейшей особы, украшенной всеми моими достоинствами. Так вот в этих обносках Постума я насильно овладею ею, но прежде на ее глазах убью его. Вот тут-то она и увидит мою доблесть и раскается в своем высокомерии. Он будет повержен в прах, я надругаюсь над его трупом, а затем утолю свою страсть, но, чтобы еще сильнее поиздеваться над красавицей, сделаю все это в платье, которое она так высоко оценила. А потом пинками погоню ее обратно домой! Тебе доставляло удовольствие презирать меня, а мне радостно будет отомстить тебе.

Пизанио возвращается с платьем.

Клотен

Это то самое платье?

Пизанио

То самое, принц.

Клотен

А давно принцесса отправилась в Мильфорд?

Пизанио

Едва ли она уже успела туда добраться, ваше высочество.

Клотен

Отнеси платье в мою комнату; это твоя вторая услуга, а третья - никому ни слова не говори о моих намерениях. Будь только верен, и тебе не придется долго ждать повышения. Моя месть ждет меня в Мильфорде! Ах, будь у меня пара крыльев, я бы полетел за ней. Идем со мной и будь мне верен. (Уходит.)

Пизанио

Чтоб я тебе дал верности обет,

Предав моих господ? Не выйдет, нет!

Мчись в Мильфорд, там беглянки не найти.

О небо, охраняй ее в пути!

Глупцу же ставь преграду за преградой;

Да будут лишь они его наградой!

(Уходит.)

СЦЕНА 6

Уэльс. Перед пещерой Белария.

Входит Имогена, одетая мальчиком.

Имогена

Теперь я знаю - трудно быть мужчиной!
Я так устала. Вот уже две ночи
Моя постель - земля. Не будь мой дух
Так тверд, занемогла бы я. Ах, Мильфорд,
Казался близким ты! Но вижу я,
Дома и те бегут от бедняков,
Лишая кровя их. Путь указали
Два нищих мне, я сбиться не могла.
Ужель бедняк, изведавший невзгоды,
Обманет, зная, что обман его
Несет мученье ближним? Мы привыкли,
Что часто лгут богатые, и все же
В богатстве лгать постыдней, чем в нужде:
Ложь королей гнусней, чем ложь бездомных.
И ты солгал, супруг мой дорогой!
При мысли о тебе проходит голод,
А я ведь чуть не падаю. - Что здесь?
В пещеру дикую ведет тропинка?..
Не крикнуть ли? Нет, я боюсь. Но голод
Пред смертью храбрость придает. Довольство
И лень рождают трусов, а нужда -
Мать мужества. - Эй! Кто там? Человек -
Так отзовись! Дикарь - так жизнь мне дай
Иль отними! Эй!.. Тихо... Я войду,
Но выну меч, и если враг боится
Меча, как я сама, едва ль посмеет
Он на меня напасть. Пошли мне бог
Врага такого!

(Входит в пещеру.)

Появляются Беларий, Гвидерий и Арвираг.

Беларий

Ты, Полидор, из нас охотник лучший
И пиршества хозяин. Я и Кадвал -
Слуга и повар: таково условие.
Искусство и старанье погибают,
Не вдохновленные конечной целью!
Идемте же. Приправит голод славно

Обед неприхотливый наш. Усталость
На голом камне спит, зато лентяю -
Перина жестче камня. Мир тебе,
Приют наш скромный, сам собой хранимый.

Гвидерий

Как я устал!

Арвираг

Хоть я и обессилен

От голода, но сам не ослабел.

Гвидерий

Ведь есть у нас еще немного мяса
Холодного. Мы им и подкрепимся,
Пока поспеет дичь.

Беларий

Стой! Не входите!

Когда бы он не ел запасы наши,
Я принял бы его за божество.

Гвидерий

А что случилось там?

Беларий

Нет, это ангел!

Клянусь, что это дух! Воздушный эльф
В обличье юноши.

Имогена выходит из пещеры.

Имогена

Молю вас, сжальтесь!

Я звал у двери - никого! Ужасно
Мне есть хотелось. Я не вор. Вот плата,
Клянусь, я даже золота не взял бы,
Рассыпанного по полу...

(Протягивает деньги.)

Вот деньги.

Еду окончив, я бы на столе

Оставил их и снова в путь пустился

С молитвой за хозяев.

Гвидерий

Деньги, мальчик?

Арвираг

Пусть раньше золото и серебро

В грязь обратятся! Чтят их только те,
Кто грязных чтит богов.

Имогена

Вы рассердились?

Но если вы меня убить хотите
За мой проступок, знайте - я бы умер,
Не совершив его.

Беларий

Куда идешь ты?

Имогена

Спешу я в Мильфорд.

Беларий

Как тебя зовут?

Имогена

Фиделе. Захотел один мой родич
Из Мильфорда в Италию отплыть.
Я шел к нему, но, голодом томимый,
Взял пищу здесь.

Беларий

Мой мальчик, не считай
Нас дикарями; не суди о нас
По грубому жилищу. Будь нам гостем.
Уж поздний час. Мы угостим тебя,
Чем только сможем. Будем благодарны
Коль ужин с нами ты поделишь. - Дети,
Просите же.

Гвидерий

Будь женщиной ты, мальчик,
Я за тобой ухаживать бы начал,
Как за невестою.

Арвираг

А я доволен,
Что ты мужчина. Ты мне мил, как брат,
И я тебя встречаю, словно брата,
С которым был в разлуке. Мой привет!
Развеселись; ведь ты попал к друзьям.

Имогена

(в сторону)

Зачем не к братьям? Будь они мне братья,
Я не была б наследницей престола
И, цену потеряв свою тогда,
С тобою равной стала бы, мой Постум.

Беларий

Он чем-то опечален.

Гвидерий

Я хотел бы

Помочь ему.

Арвираг

И я. Ценой любых

Трудов, хлопот, усилий...

Беларий

Вот что, дети...

Беларий, Гвидерий и Арвираг шепчутся.

Имогена

О, если б на земле существовали

Такие короли, под чьим господством

Исчезли б рабство, голод и нужда;

Дворцы такие, где одна лишь совесть

Мерилом бы величия служила,

А не хвала льстецов! О, будь на свете

Такие короли - то и они

Не превзошли б своим величием этих

Простых людей! Меня простите, боги,

Но, Постума измену испытав,

Хотела б я теперь мужчиной стать

И здесь остаться с ними.

Беларий

Так и будет...

(Гвидерию и Арвирагу.)

Пойдем готовить дичь.

(Имогене.)

Входи, мой милый,

Что за беседа на пустой желудок?

Мы после ужина тебя попросим

Поведать о себе все то, что сам

Захочешь рассказать.

Гвидерий

Прошу, входи.

Арвираг

Не так приятны жаворонку утро

И ночь сове, как ты приятен нам.

Имогена

Благодарю.

Арвираг

Прошу тебя, войди.

Уходят.

СЦЕНА 7

Рим. Площадь.

Входят два патриция и трибуны.

Первый патриций

Вот смысл указа Цезаря. Внимайте;

Ввиду того что посланы войска

Паннонцев и далматов усмирять,

А легионов, в Галлии стоящих,

Нам будет мало, чтоб начать войну

С мятежными британцами, наш Цезарь

Призвал патрициев принять участие

В походе на Британию. Назначил

Он Луция проконсулом. А вам

Велит немедля же вступить в войска.

Да здравствует наш Цезарь!

Трибун

Командует войсками Луций?

Второй патриций

Да.

Трибун

Он в Галлии сейчас?

Первый патриций

При легионах,

Которые обязаны пополнить

Набором вы. Указывает Цезарь

В приказе и число людей, и сроки

Отправки их.

Трибун

Мы выполним свой долг.

Уходят.

АКТ IV

СЦЕНА 1

Уэльс. Близ пещеры Белария.

Входит Клотен.

Клотен

Если Пизанио верно описал мне, то встреча у них назначена где-то поблизости. Платье Постума пришлось мне впору, как по мерке.

Отчего бы мне не прийтись по мерке и его возлюбленной? Ведь говорят, что женщине впору тот придется, кто к ней в пору

подберется. Вот тут-то я и должен изловчиться. Раз нет ничего зазорного в том, что человек, находясь наедине с зеркалом, любит себя, то могу признаться, что сложен я несколько не хуже Постума. Я не моложе его, но сильнее; состояние мое не меньше, а положение повыше. Я знатнее его родом, искусен в делах государственных, а в поединке мне равного не найти. И все-таки эта взбалмошная дура, мне назло, любит его. Вот она, человеческая жизнь! Голова твоя, Леонат, все еще сидит на плечах, но через час слетит; возлюбленную твою я обещаю, платье на ней изорву в клочья. А как покончу со всем этим, погоню красавицу пинками домой к отцу. Он, может быть, и посердится немножко за такое грубое обращение с дочкой, но моя матушка умеет прибирать его к рукам, и все обернется так, что он еще меня и похвалит... Лошадь я привязал надежно. Ну, меч, вон из ножен! Трудная тебе предстоит работа! Эх, Фортуна, только отдай их в мои руки! По описанию это как раз похоже на то место, где у них назначена встреча; обмануть меня этот Пизанио не посмел бы.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Перед пещерой Белария.

Из пещеры выходят Беларий, Гвидерий, Арвираг и Имогена,

Беларий

(Имогене)

Ты нездоров? Останься здесь, а мы

Придем после охоты.

Арвираг

(Имогене)

Брат, останься;

Мы братья, правда ведь?

Имогена

Все люди братья.

Но зачастую, знатностью кичась,

Себя возвысить хочет плоть над плотью,

Хоть после смерти все лишь прах. Я болен.

Гвидерий

Охотьтесь без меня, я с ним останусь.

Имогена

Зачем? Не так опасно болен я

И не из тех, кто, прихворнув немного,

Уж видит смерть перед собой. Прошу вас,

Трудом своим обычным занимайтесь;

Привычку раз нарушить - все нарушить.

Да, болен я, но вы, со мной оставшись,
Помочь не в силах. Вид людей не может
Утешить тех, кто от людей бежит.

Не так мне плохо, если я об этом
Судить могу. Я дом стеречь останусь
И ничего не украду, поверьте,
Уж разве только самого себя,
А коль умру - невелика потеря.

Гвидерий

Люблю тебя, мой мальчик. Повторяю,
Люблю тебя не меньше, не слабее,
Чем своего отца.

Беларий

Как? Что такое?

Арвираг

Коль это грех - грешны мы оба с братом;
Пришелец этот стал мне странно близок.

Ты говорил - любовь необъяснима!

Да, если встанет у порога смерть,
Спросив, кто должен умереть, отвечу:
"Отец мой, а не мальчик!"

Беларий

(в сторону)

Вот она,

Кровь королей! Природное величье!

Ничтожество - отродие ничтожеств;

Рождает труса трус. В природе есть

Мука и отруби, позор и честь.

Пусть им я не отец, но отчего же

Для них стал мальчик ближе и дороже?.. -

Уже девятый час.

Арвираг

Брат, до свиданья!

Имогена

Успеха вам!

Арвираг

Тебе - здоровья. В путь!

Имогена

(в сторону)

О, как они добры! А мне казалось,

Что вне дворцов лишь дикари живут,

Но я совсем иное вижу тут.
Родит чудовищ глубина морей,
А вкусную форель - простой ручей.
Но мне все хуже. В сердце боль... Пизанио,
Приму твоё лекарство.

Гвидерий

(Беларию и Арвирагу)

Ничего

Я не узнал: ответил мальчик только,
Что знатен он и честен, но бесчестно
Преследуют его.

Арвираг

И мне поведал

Он то же самое, но обещал,
Что позже все расскажет.

Беларий

Нам пора!

(Имогене.)

А ты здесь отдохни.

Арвираг

Мы ненадолго.

Беларий

И не хворай; ведь ты хозяйку должен
Нам заменить.

Имогена

Больной я иль здоровый,

Служить вам рад.

Беларий

Навек останься с нами.

Имогена уходит в пещеру.

Хоть юноша и бедствует, но видно -

Он знатен родом.

Арвираг

Он поет, как ангел.

Гвидерий

А стряпает как славно! Как умеет
Коренья резать, приправлять похлебку,
Как будто для стола больной Юноны.

Арвираг

Вы видели, как мило у него

Улыбка сочетается со вздохом?

Горюет вздох, что не улыбка он,
Улыбка ж потешается над вздохом,
За то что он мечтает улететь
Из храма своего и слиться с бурей -
Грозою моряков.

Гвидерий

Переплелись

Корнями в нем терпение и скорбь.

Арвираг

Расти, расти, терпение, а ты,

Сорняк негодный - скорбь, умри скорей

И виноградных лоз глушить не смей!

Беларий

Уже светло. Поторопитесь! - Кто там?

Входит Клотен.

Клотен

Бродяг я этих так и не нашел.

Пизанио, подлец, надул меня.

Я изнемог!

Беларий

Бродяг? Уж не о нас ли?..

Он мне знаком как будто... Это Клотен,

Сын королевы. Нет ли здесь измены?

Его узнал я, хоть давно не видел.

Мы вне закона. Скрыться надо нам.

Гвидерий

(Беларию)

Он здесь один. Вы с братом посмотрите,

Не прячется ли кто еще в лесу.

Меня оставьте с ним.

Беларий и Арвираг уходят.

Клотен

Стой! Ты куда?

Бежать? Ты кто такой? Разбойник мерзкий?

Я знаю вас! Эй, низкий раб, ты кто?

Гвидерий

Не столь я низок, чтобы не проткнуть

Тебя своим мечом за это.

Клотен

Вор,

Грабитель, негодяй! Сдавайся, пес!

Гвидерий

Кому? Тебе? Ты кто? Иль у меня
Рука слабей твоей? Душа слабее?

Слова твои наглее, это верно,
Но не во рту ношу я свой кинжал.

Ты кто? Зачем тебе я сдамся?

Клотен

Раб!

Ты не узнал меня по платью?

Гвидерий

Нет!

Нахал! Твой дед, наверно, был портняжка;

Тебе он платье сшил, и лишь по платью

Ты человеком стал.

Клотен

Ах ты мерзавец!

Не мой портной мне это платье шил.

Гвидерий

Так убирайся и скажи спасибо

Тому, кто подарил тебе его.

Болван! Мне даже бить тебя противно.

Клотен

Ах, висельник, подлец, узнай, кто я,

И трепещи!

Гвидерий

Ну, кто же ты такой?

Клотен

Я Клотен, негодяй!

Гвидерий

Будь, Клотен ты хоть дважды негодяй,

Я не боюсь. Будь ты паук иль жаба,

И то бы я скорей смутился.

Клотен

Знай

И цепеней - сын королевы я!

Гвидерий

Срамишь ты, значит, свой высокий род.

Клотен

Как, ты не испугался?

Гвидерий

Нет, нисколько?

Боюсь и почитаю я лишь умных!
А дурни мне смешны.
Клотен
Тогда умри!
Убью тебя своей рукой, а после
И тех двоих; на городских воротах
Повешу ваши головы. Сдавайся,
Дикарь несчастный!
Уходят, сражаясь.
Входят Беларий и Арвираг.
Беларий
Ни души вокруг.
Арвираг
Нет никого. Ты, видимо, ошибся.
Беларий
Боюсь сказать. Прошли года, но время
Не изменило черт его лица;
Отрывистая речь и грубый голос
Все те же. Нет, конечно, это принц -
Уверен я.
Арвираг
Они вдвоем остались.
Дай бог, чтоб с братом он не начал ссоры...
Ты говоришь, опасен принц?
Беларий
Настолько
Он туп и недалек, что часто глупость
В нем гасит чувство страха, и не знает
Он удержу ни в чем. Но вот твой брат.
Входит Гвидерий, в руках у него голова Клотена.
Гвидерий
Дурак был этот Клотен, пустозвон!
Не мог бы выбить из него мозгов
Сам Геркулес - их не было в помине.
Не уничтожь его я, этот дурень
Мне б голову отсек своим мечом,
Как я сейчас ему.
Беларий
Что ты наделал!
Гвидерий
Я знаю что - снес Клотену башку.

Назвал себя он сыном королевы,
Кричал, что я разбойник, вор, бродяга,
Клялся своей рукой нас уничтожить,
Нам головы срубить, повесив их
На городских воротах!

Беларий

Мы погибли!

Гвидерий

Но почему, отец? Что нам терять?
Хотел он погубить нас. Ведь закон
Нам не зашита - так ужель мы станем
Сносить его угрозы малодушно
Иль ждать, чтобы кусок спесивый мяса
Судьбою нашим стал и палачом
Лишь потому, что вне закона мы?
А вы нашли кого-нибудь в лесу?

Беларий

Нет, ни души. Но вряд ли он явился
Сюда без свиты. Хоть непостоянен
Он был всегда и рвался от худого
К тому, что вдвое хуже, - ни причуда,
Ни полное безумье не смогли бы
В наш лес завлечь его. А может быть,
Слух во дворце прошел, что здесь живут
Опальные бродяги, что из них
Со временем собратья может шайка;
Вспылил он - это на него похоже -
И нас поймать поклялся. Но не верю,
Чтоб он один пошел. Не так он смел,
Да и пустили бы его навряд ли.
Боюсь, у нас есть основанье думать,
Что хвост у этой гадины, пожалуй,
Опасней головы.

Арвираг

Пускай свершится,
Что небом суждено, но брат мой прав.

Беларий

Сегодня мне не до охоты, дети;
Меня болезнь Фиделе беспокоит.

Гвидерий

Мечом, которым угрожал мне Клотен,

Отсек ему я голову. Я брошу
Ее в залив за нашею скалою;
Пускай плывет и хвастается рыбам,
Что красовалась на плечах того,
Кто был при жизни сыном королевы.
Мне дела нет!

(Уходит.)

Беларий

Боюсь, вам будут мстить.

Ах, лучше бы не ты его убил,

Мой храбрый Полидор!

Арвираг

Я должен был

Его убить и быть один в ответе.

Брат, я люблю тебя, но этот подвиг

Свершил ты мне на зависть. Пусть же кара,

Какой она ужасной ни была бы,

Падет на нас обоих.

Беларий

Что сделано, того не воротить.

Охотиться сегодня мы не будем.

(Арвирагу.)

Не стоит рисковать. Ступай в пещеру,

Хозяйничай с Фиделе, я же здесь

Ждать буду Полидора и приду

К обеду с ним.

Арвираг

Иду. - Ах, мальчик бедный!

Чтобы вернуть щекам твоим румянец,

Готов я сотню Клотенов убить

И не сочту себя бесчеловечным.

(Уходит.)

Беларий

Великая природа! О богиня!

Как дивно в этих юношах державных

Себя явила ты! Они нежны,

Как легкий ветерок, когда ласкает

Фиалку он, цветок едва колебля.

Но чуть вскипит в них царственная кровь.

Как оба станут схожи с буйным вихрем,

Который гнет вершины горных сосен

И клонит их в долину. Просто чудо,
Как возникают в них непроизвольно,
Без поучений, царственные чувства;
Как честь и долг без наставлений крепнут;
Учтивость - без примеров. Доблесть в них
Хоть и дика еще, но даст плоды,
Как при посеве тщательном. Однако
Зачем сюда явился этот Клотен
И что сулит нам смерть его?
Входит Гвидерий.
Гвидерий
Где брат?
Я вплавь отправил во дворец гонцом
Башку пустую Клотена, а тело
В залог оставил здесь.
Торжественная музыка.
Беларий
Что слышу я?
Заветный инструмент мой! Он звучит!..
Но почему привел в движение струны
Твой брат?
Гвидерий
Он дома?
Беларий
Да, пошел туда.
Гвидерий
Молчала лютня с матушкиной смерти.
Я не пойму... Торжественные звуки
Сопутствуют торжественным событиям.
Что с ним? Пустой восторг, пустая скорбь -
Забава для детей и обезьян.
Не помешался ль Кадвал?
Возвращается Арвираг, неся на руках бесчувственную Имогену.
Беларий
Вот идет он
И объяснение скорбное несет
Вины своей.
Арвираг
Скончалась наша птичка,
Отрада наша. Лучше бы мне стать
В шестнадцать лет шестидесятилетним,

На костылях ходить, чем видеть это!

Гвидерий

Прекрасная, нежнейшая из лилий,

Ты вдвое краше на стебле была,

Чем на руках у брата!

Беларий

Горе, горе,

Кто глубину твою измерить может?

Где мера всем страданиям земным?

Прекрасный отрок! Знали только боги,

Кем стать ты мог! Увы, скончался ты

От злой тоски в расцвете юных лет...

Каким его застал ты?

Арвираг

Бездыханным.

С улыбкой на устах, как будто их

Не смерть стрелой, а бабочка коснулась;

Лежал щекой он правой на подушке...

Гвидерий

Где?

Арвираг

На полу; я думал, он заснул,

И даже обувь снял, чтобы шагами

Его не разбудить...

Гвидерий

Да, он заснул

Последним, вечным, непробудным сном.

Постелью гроб я сделаю ему,

Слетаться будут феи на могилу

И не посмеет червь в нее вползти.

Арвираг

Коль буду жив, Фиделе, я все лето

Печальную твою могилу стану

Цветами украшать. Увидишь ты

Подснежник белый, как твое лицо,

И колокольчик, голубее жилок

Твоих; и розы, аромат которых

Не сладостней дыханья твоего.

Их будут реполовы приносить

Тебе, к стыду наследников богатых,

Не ставящих надгробия отцам.

Когда ж цветов не будет, я укрою
Могилу мхом от стужи.
Гвидерий
Хватит, брат,
По-женски причитать. Слезам не время.
Час похорон настал! Не нарушай
Наш скорбный долг своим бесплодным воплем.
Давай же выроем могилу.
Арвираг
Где?
Гвидерий
Близ Эврифилы, матери любимой.
Арвираг
Пусть будет так. Послушай, брат, хоть голос
С годами погрубел у нас, споем
Ту песню, что над матерью мы пели.
Слова оставим те же и мотив,
Лишь "Эврифилу" сменим на "Фиделе".
Гвидерий
Нет, Кадвал, не могу.
Рыдания расстроят нашу песню,
А в скорбном пенье фальшь звучит ужасней,
Чем слово лжи в устах жреца во храме.
Арвираг
Тогда мы просто скажем их.
Беларий
Я вижу,
Большое горе - меньшее целит;
Забыли мы о Клотене совсем.
Он враг наш и наказан по заслугам,
Но он - сын королевы; и хотя
В могиле нищий и вельможа равны,
Но долг почтения, суетный, как мир,
Предать земле по-разному велит их.
Раз Клотен - принц, хоть он убит, как враг,
Должны мы схоронить его, как принца.
Гвидерий
Терсита труп Аякса трупу равен.
Неси его сюда.
Арвираг
Ступай, отец,

Мы песнь свою прочтем.
Беларий уходит.
Брат, начинай!
Гвидерий
(укладывают Имогену)
Нет, положи его лицом к востоку,
Как нас учил отец.
Арвираг
Да, да, ты прав.
Гвидерий
Так повернем его.
Арвираг
Теперь начнем.
Гвидерий
Для тебя не страшен зной,
Вьюги зимние и снег,
Ты окончил путь земной
И обрел покой навек.
Дева с пламенем в очах
Или трубочист - все прах.
Арвираг
Все прошло - тиранов гнет,
Притеснения владык.
Больше нет ярма забот,
Равен дубу стал тростник.
Царь, ученый, врач, монах
После смерти - все лишь прах.
Гвидерий
Не страшись ни молний ты...
Арвираг
Ни раскатов громовых...
Гвидерий
Ни уколов клеветы.
Арвираг
Радость, скорбь - не стало их.
Оба
Кто любовь таил в сердцах,
Все, как ты, уйдут во прах.
Гвидерий
Злобных сил не знай ты...
Арвираг

Духам не внимай ты...

Гвидерий

Ада не страшись ты...

Арвираг

К небу вознесись ты.

Оба

Спи среди цветов и трав,

Память вечную снискав.

Беларий возвращается с телом Клотена.

Гвидерий

Обряд свершен. Сюда положим тело.

Беларий

Вот им цветы. Еще достану в полночь.

Омытые ночной росой прохладной,

Они подходят больше для могил.

Прикроем их тела. - Вы как цветы;

Увяли вы, они увянут тоже. -

Идем. Помянем мертвецов молитвой.

Земля дала их и взяла к себе;

Конец их горю, счастьем и борьбе.

Беларий, Гвидерий и Арвираг уходят.

Имогена

(просыпаясь)

Да, в Мильфорд, сударь. Как туда пройти?

Благодарю... Тем лесом?... А далеко?

О небеса! Ужель еще шесть миль?

Я шла всю ночь... Прилягу тут...

(Видит тело Клотена.)

Ах нет,

Никто не нужен мне на ложе. Боги!

Цветы передо мной - земная радость!

И тут же скорбь земная - труп. Я сплю...

Казалось мне, я стерегла пещеру

И честным людям стряпала обед...

Но нет, не так... То был обман... Стрела,

Летящая из ничего в ничто,

Пустое порождение мечты.

Наш взор, как и рассудок, часто слепы.

Дрожу... боюсь. Но если в небесах

Еще осталась капля сострадания,

Такая малая, как глаз у пташки,

Частицу мне, о боги, уделите!
Я сплю еще... Проснусь - и длится сон
Внутри и вне меня... Вернулись чувства!..
Безглавый труп!.. Ах, Леоната платье!
Его нога... Рука его... Нога
Меркурия и стан, достойный Марса...
И плечи Геркулеса... Где ж лицо?
Лицо Юпитера? Иль убивают
И небожителей? Он обезглавлен?
На голову Пизанио обрушьтеесь,
Проклятия Гекубы и мои!
С ним сговорившись тайно, дьявол Клотен
Убил здесь мужа! Пусть отныне будут
Предательством и чтение и письма! -
Проклятый раб! Письмом своим подложным
У лучшего на свете корабля
Сломал ты мачту, негодяй! - Увы,
Где голова твоя, мой Леонат?
Мог в сердце поразить тебя Пизанио,
Но голову оставить... Кто ж убийца?
Пизанио, да, это он и Клотен!
Виной всему корысть и злоба. Ужас!
Он дал питье живительное мне...
Уж не оно ль все чувства умертвило?
Еще улика! Клотен и Пизанио!
Убийцы! Милый, дай твоею кровью
Окрасить щеки бледные мои,
Чтоб мы страшнее показались тем,
Кто нас найдет. О Постум! Властелин мой!
(Припадает к трупу.)
Входят Луций, военачальник, несколько римских
офицеров и прорицатель.
Военачальник
По вашему приказу легионы
Из Галлии приплыли. Вас они
Ждут вместе с флотом в Мильфорде. Войска
Готовы к бою.
Луций
Есть из Рима вести?
Военачальник
Патрициев и жителей границ

Сенат призвал. Их рвенье и отвага
Успех нам предвещают. Брат Сиенны,
Отважный Якимо ведет войска.

Луций

Когда вы ждете их?

Военачальник

С попутным ветром.

Луций

Такая быстрота - залог победы.

Теперь мы смотр войскам произведем.

Отдай приказ.

(Прорицателю.)

А что, скажи, мой друг,

Нам сны твои вещают о войне?

Прорицатель

Постился долго я, моля богов,

И прошлой ночью было мне виденье:

Орел Юпитера сюда, на запад,

Летел с далеких южных берегов

И скрылся в золотом сиянье солнца,

А это значит - коль не помрачили

Грехи мой дар провиденья, - что римлян

Победа ждет.

Луций

Пусть будут сны такие

Нелживыми и частыми. - Но что тут?

Безглавый труп?.. О, судя по обломкам,

Строенье было славное. Кто это?

Паж? Мертв он или спит? Скорее мертв.

Чуждается природа ложа смерти,

Не спят живые с мертвыми. Взглянуть

Хочу я мальчику в лицо.

Военачальник

Он жив.

Луций

Тогда он скажет, кто убит. - Эй, мальчик,

Поведай о судьбе своей. Она

Достойна любопытства. Кто служил

Тебе кровавым изголовьем? Кто

Разрушить смел творение природы?

Иль ты причастен к этому убийству?

Как все произошло? Кто он такой?

Ответь нам. Кто ты?

Имогена

Я ничто. Вернее,

Хотел бы стать ничем. То господин мой,

Британец храбрый, добрый человек,

Убитый жителями гор. Увы!

Таких господ, как он, на свете нет!

Пусть обойду я запад и восток,

Пусть я найду себе других хозяев,

Пусть буду верно им служить - нигде

И никогда такого господина

Не будет у меня.

Луций

Ты славный мальчик,

Твоей печалью тронут я не меньше,

Чем смертью господина твоего.

Кто он, дружок?

Имогена

Ричард дю Шан.

(В сторону.)

Я лгу,

Но в этом нет вреда. Надеюсь, боги

Простят мне ложь.

Луций

Как звать тебя?

Имогена

Фиделе.

Луций

Да, это имя по тебе. Оно

Достойно верности твоей, а верность

Достойна имени. Служить мне хочешь?

Хоть я не так хорош, как твой хозяин,

Но я тебя любить не меньше буду.

И если бы в письме ко мне сам Цезарь

Достоинства твои превозносил,

Он больше о тебе сказать не мог бы,

Чем ты сейчас сказал. Идем со мной.

Имогена

Но прежде господина я зарюю

В могилу так глубоко, как смогу;

Листвой ее засыплю и цветами.
Произнесу над нею сто молитв,
Слезами орошу, вздыхая тяжко,
А там уж к вам пойду, коль вам угодно
Принять меня.

Луций

Я для тебя, мой милый.

Скорей отцом, чем господином, стану. -
Друзья!

О долге мальчик нам, мужам, напомнил.

Среди цветов мы выроем могилу
Мечами. Поднимите труп. - Мой мальчик,

В знак уваженья и любви к тебе

Почтим мы господина твоего,

Как воина, похоронив его.

Утешься же, утри глаза. Подчас

Паденье может и возвысить нас.

Уходят.

СЦЕНА 3

Комната во дворце Цимбелина.

Входят Цимбелин, вельможи, Пизанио и слуги.

Цимбелин

(слуге)

Узнай, что с королевой.

Один из слуг уходит.

С той поры

Как принц исчез, она в безумье впала.

О небеса, какая злая кара

Ниспослана мне вами! Дочь моя,

Моя отрада, скрылась. Королева -

На ложе смерти. Нам война грозит,

И принц, столь нужный мне сейчас, пропал.

В отчаянье я от ударов этих!

(К Пизанио.)

Ты, раб лукавый, знаешь, где она!

Не лги, что ты здесь ни при чем. Иначе

Заговоришь под пыткой.

Пизанио

Государь.

Казните, но, клянусь вам, я не знаю,

Где госпожа, зачем она ушла,

Когда вернется, - ничего не знаю.
Я ваш слуга покорный, государь.
Первый придворный
Он вам не лжет. Когда принцесса скрылась,
Его видали здесь. Слуга он верный,
А принца ищут всюду и найдут.

Цимбелин

Тревожные настали времена.

(К Пизанио.)

На этот раз ты вывернулся, раб,
Но ты на подозренье!

Первый придворный

Повелитель!

Уж легионы галльские на берег
Сошли, а в подкрепление к ним сенат
Прислал отряд патрициев из Рима.

Цимбелин

Как нужен мне совет жены в принца!

Я стал в тупик...

Первый придворный

Но, государь великий,
Нам хватит войск, чтоб встретиться с врагом.
Не только к ним - и к нам придет подмога,
Лишь прикажите действовать. Давно мы
Приказа ждем.

Цимбелин

Благодарю. Ну что ж,
Судьбу мы смело встретим. Угнетает
Меня не то, что Рим готовит нам,
А горести семейные. - Идем!

Уходят.

Пизанио

Не пишет господин мой - нет ответа
На весть о смерти Имогены. Странно!
Не слышно и о ней, а ведь хотела
Она писать мне часто. Что могло
Случиться с принцем? Я в большой тревоге.
Но справедливость есть еще на небе!

Во имя верности я изменяю

И лгу, чтоб честным быть. Война докажет,
Как верно я служу своей отчизне,

Иль пусть паду в бою. Рассеет время
Сомненья остальные. Иногда
Без кормчих в порт судьба ведет суда.
(Уходит.)

СЦЕНА 4

Уэльс. Перед пещерой Белария.
Входят Беларий, Гвидерий и Арвираг.

Гвидерий

Тревога поднялась.

Беларий

Уйдем подальше.

Арвираг

Нет смысла в жизни, если избегать

Опасных подвигов.

Гвидерий

К чему таиться?

Нас, как британцев, римляне казнят

Или свои, сочтя за бунтарей,

Служить заставят, а потом убьют.

Беларий

Уйдемте, дети, в горы. Там спокойней.

Нам путь к своим закрыт. Безвестны мы

И в списки войсковые не попали.

Смерть принца может привести к расспросам,

Кто мы, где жили, и признанье вырвать,

А наказание за это - смерть

Под пыткой.

Гвидерий

Отец мой, не к лицу

Тебе в такое время спасенья;

И нас не убедишь ты, нет!

Арвираг

Едва ли,

Услышав ржанье римских лошадей

И увидав костры врага вблизи,

Британцы в ожидании сраженья

Решатся тратить время, выясняя,

Кто мы, откуда здесь.

Беларий

Но ведь знаком

В войсках я многим. Клотена не видел

Я много лет, но все ж его узнал я.
Король не стоит ни моих услуг,
Ни преданности вашей.
Изгнание мое виной тому,
Что воспитанья вы не получили,
Что жили в бедности, лишившись счастья,
Которого вы вправе были ждать;
Что летом вы палящий зной терпели
И, как рабы, тряслись зимой от стужи.

Гвидерий

Нет, лучше смерть, чем эта жизнь! Отец,
Молю, идем к войскам. Никто не знает
Ни брата, ни меня; тебя забыли;
Ты постарел и стал неузнаваем.

Арвираг

Клянусь блистаньем солнца, я иду!
Я не видал, как смерть встречает воин
В сражениях. Я видел только кровь
Трусливых зайцев, горных коз и ланей.
Коней не знал я, кроме жалких кляч,
Удил и шпор не ведавших. Под стать
И всадник им такой, как я. Мне стыдно
Смотреть на солнце, жить его теплом
И пребывать в ничтожестве безвестном.

Гвидерий

Клянусь, и я пойду. Благослови
Меня, отец. Тогда в бою не ставу
Я рисковать напрасно. А непустишь -
Я все равно пойду; и ты судьбою
Наказан будешь тем, что я в сраженье
Умру от рук врагов.

Арвираг

И я. Аминь!

Беларий

Коль юной жизнью вы не дорожите,
Зачем же старость мне тогда беречь?
Да будет так! Иду я с вами, дети,
И, если суждено вам пасть в бою,
Я вместе с вами смерть приму свою!
Вперед! Вперед! Сказалась кровь царей,
Кипит она и рвется в бой скорей!

Уходят.

АКТ V

СЦЕНА 1

Британия. Римский лагерь.

Входит Постум с окровавленным платком в руках.

Постум

Я сберегу тебя, платок кровавый, -

Я сам хотел тебя таким увидеть.

Мужья! Когда б вы все так поступали,

Любой проступок мог бы погубить

Вернейшую из жен. - Нет, мой Пизанио,

Не все приказы нужно выполнять,

А только справедливые. - О боги,

Зачем меня не покарала вы

И дали мне дожить до этой пытки?

Зачем вы Имогену не спасли

Для жизни, полной горести? Зачем

Меня, злодея, не сгубили? Ах,

Любя иных, вы их к себе берете

За малый грех, от большего спасая;

Другим же позволяете свершать

Грех за грехом, один другого хуже,

И те живут, в чудовищ превращаясь.

Она теперь у вас! Так дайте, боги,

Мне силу покориться вашей воле.

Сюда из Рима прибыл я сражаться

С отчизною своей. - О нет, Британия,

Довольно и того, что я убил

Твою принцессу. Ран тебе я больше

Не нанесу. - Внимайте, боги, мне:

С себя сниму я римскую одежду,

Крестьянином простым переоденусь,

Сражаться буду против тех, с кем прибыл,

И смерть в бою приму за Имогену!

Ведь жизнь сама и каждый вздох - мне смерть!

Не признанный никем, ни в ком не вызвав

Ни злобы, ни участия, ни любви,

Себя предаю смерти. Пусть узнают

О доблести моей, хоть и таилась

Она под рубищем раба. О боги!

Пошлите вновь мне силу Леонатов!

Надменный мир хочу я научить
Не внешний блеск, а силу духа чтить.

(Уходит.)

СЦЕНА 2

Поле сражения между британским и римским лагерями. Входят с одной стороны Луций, Якимо и римское войско, с другой стороны - британское войско. За ними следует Постум как простой воин. Они проходят через сцену. Затем входят, сражаясь, Якимо и Постум. Постум побеждает Якимо, обезоруживает и уходит, оставив его одного.

Якимо

Великий грех отяготил мне душу
И мужества лишил. Оклеветал
Я женщину, британскую принцессу,
И воздух здешний, словно мстя за это,
Все силы отнял у меня. Иначе
Как мог меня, искусного в бою,
Сразить простой мужлан? Мой сан и званье -
Стыда источник ныне и страданья.
Британия! Коль рыцари твои
Еще сильней, чем этот раб убогий,
То мы ничтожны, а британцы - боги!
(Уходит.)

Битва продолжается. Британцы бегут. Цимбелин захвачен в плен,
Входят, спеша ему на помощь. Беларий, Гвидерий и Арвираг,
Беларий

Стой! Все назад! За нами поле битвы!
Теснина - наша! Нам страшна лишь трусость!
Позор бегущим! Стой!

Гвидерий и Арвираг
Назад! Сражайтесь!

Входит Постум и бьется на стороне британцев; они освобождают
Цимбелина и уходят. Входят Луций, Якимо и Имогена.

Луций

Прочь с поля битвы, мальчик, жизнь спасай!
Свои своих разят, полны смятенья;
Бой ослепляет разум.

Якимо

Подошло

К ним подкрепление.

Луций

Как странно бой
Вдруг обернулся! Если помощь к нам
Не подоспеет - отступить придется.
Уходят.

СЦЕНА 3

Другая часть поля сражения.
Входят Постум и британский вельможа.

Вельможа
Оттуда ты, где наши бьются?

Постум

Да.

А вы из беглецов, как видно?

Вельможа

Да.

Постум

Винить вас трудно. Нам конец пришел бы,
Не помоги нам небо. Сам король
Уже отрезан был; ряды смешались;
В теснине узкой можно было видеть
Лишь спины отступающих британцев.
Резню противник начал, кровь почуяв
И видя пред собою больше жертв,
Чем он имел мечей; кто был изрублен,
Кто ранен, кто перепугался насмерть.
В теснине выросла гора убитых
И трусов, в спину раненных, которых
Позорный ждал конец.

Вельможа

Где та теснина?

Постум

Близ поля битвы, между двух откосов.
В теснине этой вдруг старик явился -
Отважный воин, подвигом своим,
Свершенным для отчизны, доказавший,
Что дожил он не даром до седин.
С ним было двое юношей, которым
Пристало бы скорее играть в пятнашки,
А не участвовать в бою кровавом;
Их лица, словно девичьи, скрывать
От холода должна была бы маска -
Они ж загородили вход в теснину,

Крича бегущим: "Жизнь спасает бегством
Олень, а не солдаты! К черту трусов!
Назад! Не то мы римлянами станем
И, как скотов, вас будем бить за то,
Что вы бежите, как скоты. Назад!
Лицом к врагу! Спасенье только в этом!"
Да, эти трое стоили трех тысяч.
Три смельчака таких в бою дороже,
Чем рать бездельников. И с криком "Стой!",
Проходом узким пользуясь искусно,
Еще искусней доблестью своей,
Способной прялку превратить в копье, -
Они зажгли огонь в погасших взорах;
Проснулся у бегущих стыд, а с ним
И мужество вернулось и отвага;
И те, кто струсил, глядя на других
(Будь проклят тот, кто первым дрогнет в битве!).
Вернулись вновь и бросились, как львы,
На вражьи копья. Дрогнул неприятель,
Нарушил строй, и началось смятение;
И те, кто прежде шли вперед орлами,
Теперь назад бежали, как цыплята.
Переменилось все в одно мгновение -
Вдруг стали победители рабами.
К сердцам бегущих отыскал дорогу
Зов, брошенный им вслед, и трус недавний,
Воспрянув духом, стал полезен нам,
Как иногда сухарь в походе тяжком.
О небо! Как ударили британцы
На мертвых, раненых, живых, своих же,
Напором смятых! Если раньше десять
От одного бежали, то теперь
Один гнал двадцать. Кто предпочитал
Погибнуть, но не драться, тот теперь
Был для врага грозой.
Вельможа
Однако странно:
Теснина... двое юношей и старец...
Постум
Вам странно это? Склонны вы скорей
Дивиться подвигам, чем их свершать?

Хотите, зарифмую этот случай
Вам на потеху? Слушайте мой стих:
"Старик и два юнца, заняв теснину,
Нам счастье принесли, врагу - кончину".

Вельможа

Ты сердишься?

Постум

Нет, я дружить готов

С тем, кто бежит трусливо от врагов;

В согласии с привычкою своей,

Он и от дружбы убежит моей... -

Вы довели меня до виршеплетства.

Вельможа

Прощай. Ты сердишься.

(Уходит.)

Постум

Опять бежишь? -

Вельможное ничтожество! Быть в битве

И у меня расспрашивать о ней!

Иной, спасая шкуру, честь позорил,

Иной бежал - и все ж погиб, а я,

Хранимый горем, словно чародейством,

Смерть не обрел там, где она царила.

Смерть, страшное чудовище, таится

Порой в бокалах, в ласковых речах,

На мягком ложе - много слуг у смерти

Помимо тех, кто носит меч. Нет, я

Найду ее. Сражался я за бриттов,

Но больше я не бритт. Надену платье,

В котором прибыл. Воевать не стану

И сдамся первому, кто руку мне

Положит на плечо. Был враг жесток,

Но будут мстить жестоко и британцы.

Мне искупленье - смерть. О ней мечтал,

На той, на этой стороне искал;

Но, где ее ни встречу, здесь иль там, -

За Имогену жизнь свою отдам!

Входят два британских военачальника и воины.

Первый военачальник

Хвала богам! Взят Луций в плен. А старца

И юношей считают за богов.

Второй военачальник

Там был еще один - иль раб, иль нищий;

Он бился как герой.

Первый военачальник

Да, говорят;

Но он исчез куда-то. - Стой! Ты кто?

Постум

Я римлянин!

И не блуждал бы тут, когда бы все,

Как я, сражались.

Второй военачальник

Взять его! Собака!

Ты не вернешься в Рим, чтоб рассказать,

Как вороны клевали вас. Ты дерзок

И, видно, знатен. К королю его!

Входят Цимбелин, Беларий, Гвидерий, Арвираг, Пизанио и пленные римляне. Военачальники подводят Постума к Цимбелину, который

знаками велит тюремщику

взять его, после чего все уходят.

СЦЕНА 4

Британская тюрьма.

Входят Постум и два тюремщика.

Первый тюремщик

Тебя уж не угонят, ты стреножен.

Пасись, пожалуй, коль найдешь траву...

Второй тюремщик

...И есть захочется.

Тюремщики уходят.

Постум

Привет вам, цепи!

Вы путь к освобождению моему!

А все же я счастливей, чем подагрик,

Который предпочел бы век стонать,

Чем исцеленным быть наверняка

Врачом надежным - смертью, тем ключом,

Что отмыкает все замки. О совесть,

Ты скована теперь намного крепче,

Чем эти щиколотки и запястья. -

Даруйте искупленье мне, о боги,

И обрету я вечную свободу.

Иль моего раскаянья вам мало?

Печаль детей смягчает гнев отцовский,
А боги милосерднее людей;
Отрадной каяться в цепях желанных,
А не надетых на тебя насильно.
Возьмите жизнь в расплату за свободу!
Я знаю, вы добрей ростовщиков,
Берущих с должников в уплату долга
Лишь четверть, треть или шестую часть.
Чтоб те могли, дела свои поправив,
Платить им вновь. Мне этого не нужно!
За Имогены жизнь - мою возьмите;
Она хоть и не так ценна, но все же
Дана мне вами, боги. Человек
Не взвешивает каждую монету
И легкую берет, чеканке веря;
Возьмите жизнь мою - я ваш чекан,
О всеблагие силы! Если вы
С таким согласны счетом - рад я жизнью
Свой долг вам уплатить. - О Имогена,
К тебе без слов взываю я!

Торжественная музыка. Появляются призраки: Сицилий Леонат, отец Постума, величавый старец в одежде воина; он ведет за руку пожилую женщину, мать Постума; перед ними идет музыкант. Затем, позади другого музыканта, следуют два молодых Леоната, братья Постума; на груди у них раны, от которых они погибли на поле битвы. Они окружают спящего Постума.

Сицилий

О громовержец, не карай
Презреньем нас, людей,
Будь с Марсом крут, с Юноной строг,
Чей гнев неверностью своей
Ты распалил.

В чем грешен сын? Не довелось
Его мне повидать.

Я умер, а дитя еще

Носила в чреве мать.

Но ты - ведь на земле зовут

Тебя отцом сирот, -

Ты должен оградить его

От всех земных невзгод.

Мать

Не помогла Люцина мне;
Скончалась я, родив.
В чужой и неприютный мир
Явился, сиротлив,
Мой бедный сын.
Сицилий
Подобно предкам славным, он
Был мудр, красив и смел
И, как наследник мой, хвалу
Везде снискать сумел.
Первый брат
Когда созрел он, возмужал -
В Британии во всей
Кто мог сравниться с ним? Кто был
Достойней и милей?
Он мужем Имогены стал,
Как лучший из мужей.
Мать
За что же брак его теперь
В насмешку превращен?
За что он изгнан и за что
Навеки разлучен
С женой своей?
Сицилий
Зачем ты Якимо, шуту
Из Рима, разрешил
Бесчестной клеветой разжечь
Его ревнивый пыл,
Чтоб в жертву подлости людской
Заклан мой Постум был?
Второй брат
Из обители теней
Отец его, и мать,
И братья, павшие в бою
Явились в мир опять.
Чтоб грудью за права и честь
Тенанция стоять.
Первый брат
За Цимбелина в битве брат
Свой обнажил клинок.
За что ж, Юпитер, царь богов,

Ты так к нему жесток?

Ты не воздал ему хвалу,

А горестям обрек!

Сицилий

Открой хрустальное окно,

Взгляни на нас с высот;

Не изливай свой страшный гнев

На доблестный наш род.

Мать

Коль прав наш сын, избавь его

От горя и забот.

Сицилий

Покинь свой мраморный дворец,

Сверши свой правый суд,

Иль тени к сонму всех богов

Свой голос вознесут.

Оба брата

И жалобу им на тебя,

Юпитер, принесут.

Среди раскатов грома и сверканья молний, на орле спускается Юпитер
и бросает огненную стрелу. Призраки падают на колени.

Юпитер

Довольно, о бесплотный рой видений,

Терзать наш слух! Умолкни, жалкий род!

Тому ль бояться ваших обвинений,

Кто молнией разит мятеж с высот?

Прочь, призраки Элизия! Покойтесь

Среди его невянущих лугов

И за живущих на земле не бойтесь;

Заботиться о них - удел богов.

Кого люблю, тому преграды ставлю;

Победа тем дороже, чем трудней.

Утешьтесь! Скоро я его прослаблю

И возвеличу после черных дней.

Он родился под нашею звездою,

И в нашем храме брак его свершен.

Прочь, сгиньте! Постум свидится с женою;

Счастливее, чем прежде, станет он.

Оставьте свиток на его груди вы -

В нем скрыт грядущих радостей залог.

Итак, рассейтесь! Будьте терпеливы,

И помните, что в гневе я жесток. -
Лети, орел, в хрустальный мой чертог.
(Улетает.)

Сицилий

Слетел он с громом, серую дыша.
Казалось, что орел его священный
Нас растерзает. Но отлет их ввысь
Был сладостней, чем ароматы рая.
Орел, расправив крылья, чистил клюв,
Как будто нам он показать хотел,
Что бог доволен.

Все

Слава громовержцу!

Сицилий

Пол мраморный сомкнулся. Он взлетел
Под свод лучистый. Скроемся сейчас!
Мы выполнить должны его наказ.
Призраки исчезают.

Постум

(просыпаясь)

Ты, сон, мне деда заменил: ты дал
Мне мать, отца и братьев. О насмешка!
Родились и исчезли навсегда
Они, как сновиденье, - без следа,
А я проснулся. Те, кто уповаает
На милость свыше, грезят, как и я,
Но пробужденье отрезвляет их.
Увы! Отвлекся я. Порой судьба
Вдруг возвеличит жалкого раба,
Хоть благ он недостоин и не смел
Мечтать, чтоб стал иным его удел.
Так счастье золотое в этом сне,
И сам не знаю, как пришло ко мне.
Не фей ли видел я? - Что здесь? Пергамент?
О дивный дар, не будь как царедворец:
Снаружи блеск и пустота внутри, -
Исполни, что сулишь.

(Читает.)

"Когда львенок, сам не ведая, кто он такой, найдет то, чего не искал, и
будет объят струей нежного воздуха; когда отсеченные ветви
величественного кедра, много лет считавшиеся мертвыми, вновь

оживут, прирастут к старому стволу и зазеленеют на нем, тогда окончатся бедствия Постума, а в счастливой Британии вновь процветут мир и изобилие".

Я сплю еще иль это бред безумца?

Одно из двух: иль это предсказанье -

Бессмыслица, иль в нем так много смысла,

Что не постичь рассудком. Будь что будет!

Но это так на жизнь мою похоже,

Что сберегу его.

Входит тюремщик.

Тюремщик

Идем, приятель. Готов ли ты к смерти?

Постум

Давно готов; пожалуй, даже пережарился.

Тюремщик

Виселица - вот что тебя ждет! Если ты готов для нее, значит, хорошо приготовлен.

Постум

Выходит, если блюдо придется по вкусу зрителям, оно оправдывает расходы.

Тюремщик

Тяжелая для тебя расплата, приятель. Но утешайся тем, что больше тебе платить не придется. Да и трактирных счетов можешь не бояться, а ведь они напоследок отравляют полученное удовольствие. Входишь туда - голова кружится от голода, выходишь - от вина, и злость тебя разбирает, что ты и лишнее перехватил, и переплатить пришлось. И кошелек и голова у тебя пусты. Голова тяжела, потому что ты был легкомыслен, а кошелек легкий, потому что освободился от тяжести. Отныне ты будешь избавлен от всех этих противоречий. Веревка, хоть и стоит грош, ценна своим милосердием! Она мгновенно подводит все итоги - лучшего счетовода, пожалуй, не найдешь. Она сразу сводит к нулю все прошлые, настоящие и будущие расходы. Твоя шея, приятель, для этого счетовода - и перо и счетная книга: не успеешь моргнуть, расчет готов.

Постум

Для меня смерть большая радость, чем для тебя жизнь.

Тюремщик

И в самом деле, дружище, кто спит, тот зубной боли не чувствует. Но человек, которому предстоит уснуть твоим сном, да еще улечься спать с помощью палача, я думаю, охотно поменялся бы с ним местами. Не угадаешь ведь, что за дорога предстоит тебе после смерти.

Постум

Представь себе, я ее вижу, друг мой.

Тюремщик

Значит, у твоей смерти есть глаза во лбу, хоть я и никогда не видел, чтобы ее изображали зрячей. Обычно после смерти идешь себе за проводником, который уверяет, что ему все пути известны, либо плетешься наугад. Так или иначе, а обратно ты не вернешься, чтобы рассказать нам, как дошел до конца своего пути.

Постум

Говорю тебе, друг мой, у каждого есть глаза, чтобы разыскать дорогу, по которой пойду я. Только многие предпочитают закрыть их и не смотреть.

Тюремщик

Ну не насмешка ли это: выходит, человеку глаза нужнее всего, чтобы различить дорогу к слепоте! Впрочем, виселица закроет глаза кому угодно.

Входит гонец.

Гонец

Сними со своего узника цепи и отведи его к королю.

Постум

Ты пришел с добрыми вестями! Меня зовут к королю, чтобы даровать свободу.

Тюремщик

Пусть меня раньше повесят!

Постум

Тогда ты станешь свободнее всякого тюремщика. Для мертвеца не существует никаких замков.

Постум и гонец уходит.

Тюремщик

Даже тот, кто желал бы жениться на виселице и народить малюток, не стал бы так стремиться к своей нареченной, как этот парень. Хоть он и римлянин, но, скажу по чести, на свете есть немало негодяев похуже его, которые цепляются за жизнь; тем не менее многим из них приходится умирать. Во всяком случае, я бы так поступил, будь я на его месте. Хотел бы я, чтобы по этому вопросу все мы держались одного мнения, притом мнения хорошего. Тогда худо пришлось бы только виселице и тюремщикам! Я говорю против своей выгоды, но желание мое, если осуществится, всем принесет счастье. (Уходит.)

СЦЕНА 5

Шатер Цимбелина.

Входят Цимбелин, Беларий, Гвидерий, Арвираг,

Пизанио, вельможи, офицеры и слуги.

Цимбелин

Приблизьтесь, вы, что волею богов
Спасли наш трон! Печалюсь я душою,
Что не разыскан неизвестный воин,
Сражавшийся так славно, что затмил
Сверканье лат лохмотьями своими.
Он голой грудью шел на вражьи копья.
Нашедшего его я осчастливлю,
Коль счастьем нашу милость можно счесть.

Беларий

Таким пылал он благородным гневом,
Какого я досель еще не видел.
По платью жалкий нищий, он в бою
Героем был.

Цимбелин

Вестей о нем все нет?

Пизанио

Его искали среди живых и мертвых,
Но не нашли следов.

Цимбелин

Я, к сожаленью,
Наследником наград его остался.
(Беларию, Гвидерию и Арвирагу.)
Их вам отдам, спасители страны,
Земли британской мозг, душа и печень.
Но мне пора спросить, кто вы? Ответьте!

Беларий

Из Камбрии мы родом и дворяне.
Иным хвалиться было бы нескромно,
Но мы честны.

Цимбелин

Колени преклоните.
Так! Встаньте, рыцари мои! Отныне
Вы в свите нашей будете, и вам
Почет согласно сану воздадут.
Входят Корнелий в придворные дамы.
Что вижу я? На ваших лицах скорбь!
Встречать победу так? Вы не похожи
На победивших бриттов.

Корнелий

Государь,
Я омрачаю радость грустной вестью:
Скончалась королева.

Цимбелин

Не пристала

Такая весть врачу. Однако знаю:

Лекарства могут жизнь продлить, но смерти
И врач подвластен. Как она скончалась?

Корнелий

Как и жила - ужасно, и в безумье.

Жестокая, она рассталась с жизнью

В жестоких муках. Передать позвольте

Предсмертные признания ее.

Коль я солгу, пусть уличат меня

Те дамы, что у ложа королевы

В слезах стояли.

Цимбелин

Говори.

Корнелий

Она

Призналась в том, что не любила вас,

Что лишь стремилась к власти и величью

И с вами в брак вступила для того,

Чтоб королевским тронном завладеть.

Цимбелин

То знала лишь она одна. И если

Она пред смертью в этом не призналась,

Я б не поверил. Дальше.

Корнелий

Ваша дочь,

Которую она ласкала лживо.

Была, как скорпион, ей ненавистна;

И, если бы принцесса не бежала,

Дала бы ей отраву королева.

Цимбелин

Чудовищно! О, кто постигнет женщин? -

И это все?

Корнелий

Есть кое-что похуже.

Она для вас смертельный яд хранила,

И, если бы вы приняли его,

Он медленно точил бы вашу жизнь.
Она ж намеревалась в это время
Заботой, лаской, просьбами, слезами
Всецело подчинить вас и потом
Заставить вас наследником престола
Назначить Клотена. Но планы эти
Нарушило его исчезновение.
Тогда она в отчаянье бесстыдным,
Прокляв людей и небеса, открыла
Все замыслы свои, жалея горько,
Что не свершила их. Вот так, в безумье,
Она и умерла.

Цимбелин

(к придворным дамам)

Вы все слышали?

Придворные дамы

Да, государь.

Цимбелин

Мой взор винить нельзя -

Она была прекрасна. Невиновен

И слух, плененный льстивостью ее,

И сердце, верившее ей во всем, -

Преступным было бы не верить ей.

И все же, Имогена, дочь моя,

Ты вправе называть меня безумцем,

Пройдя все испытания свои.

О небо, помоги мне зло исправить!

Входят Луций, Якимо, прорицатель и другие римские
пленники под стражей; позади всех Постум.

Ну, Кай, теперь уже не требуй дани:

Ее мечом сложили мы с себя,

Утратив многих храбрецов, чьи души

Нас родственники успокоить просят,

Обрекши смерти пленных; мы на это

Согласье дали. Умереть готовься.

Луций

Но ты учти превратности войны.

Помог вам только случай. А достанься

Победа нам - грозить бы мы не стали

Так хладнокровно беззащитным пленным.

Что ж, если боги только нашу жизнь

Берут, как искупительную жертву, -
Мы, римляне, достойно встретим смерть,
Но Цезарь жив, и он запомнит это.
Что до меня, прошу лишь об одном:
Со мной здесь юный паж, британец родом;
Позволь мне выкуп за него внести.
Пажей таких не знал я; кроткий, верный,
Усердный и заботливый по-женски.
Достоинства его - поддержка просьбе,
В которой ты, надеюсь, не откажешь.
Служил он римлянину, но отчизне
Не причинил вреда. Спаси его,
А нас казни.

Цимбелин

Его я где-то видел.

Лицо мне так знакомо... - Мальчик милый,
Твой взгляд меня пленил - не знаю чем.
Теперь ты мой. Я жизнь тебе дарю!
Ты почему-то сразу стал мне дорог.
Живи! Проси что хочешь у меня -
Все дам, что положенью твоему
И нашей милости пристало. Хочешь -
Знатнейшему из римлян дам свободу?

Имогена

Благодарю смиренно, государь.

Луций

Моей не требуй жизни, мальчик. Знаю,
Что ты о ней попросишь.

Имогена

Нет, увы!

Тут есть другое что-то... Мне оно
Страшнее смерти. Ваша жизнь сама
Сумеет отстоять себя.

Луций

Он предал,
Отверг меня. Недолго счастлив тот,
Кто молодым всю душу отдает.
Но чем он так смущен?

Цимбелин

Чего ты хочешь?

Все больше ты мне нравишься, мой мальчик.

Подумай лучше. Может быть, попросишь
Спасти его? Тебе родня он? Друг?

Имогена

Он римлянин, и мне родня не больше,
Чем я вам. Нет, я ближе; я - британец.

Цимбелин

Так что же ты так смотришь на него?

Имогена

Наедине скажу, коль вы меня
Благоволите выслушать.

Цимбелин

Охотно.

Как звать тебя?

Имогена

Фиделе.

Цимбелин

Ты мой паж.

Твой господин я. Говори смелее.

Цимбелин и Имогена беседуют в стороне.

Беларий

Воскрес из мертвых мальчик наш!

Арвираг

Песчинки

Не схожи так, как этот милый паж
И бедный наш Фиделе. Что ты скажешь?

Гвидерий

Усопший ожил!

Беларий

Тсс... Погодите... Ведь порою сходство
Обманчиво... Он подошел бы к вам,
Будь он Фиделе. А ведь этот даже
Не обернется.

Гвидерий

Умер наш Фиделе!

Беларий

Молчи... Посмотрим.

Пизанио

(в сторону)

Это госпожа!

Ну ладно, будь теперь что будет - благо
Она жива.

Цимбелин и Имогена подходят.

Цимбелин

Стань подле нас и громко

Вопросы задавай.

(К Якимо.)

Ты подойди

И отвечай правдиво нам, иначе -

Клянусь венцом своим - жестокой пыткой

Отделим мы от правды ложь.

(Имогене.)

Спроси!

Имогена

Пусть скажет, от кого он получил

Свой перстень.

Постум

(в сторону)

Для чего им знать об этом?

Цимбелин

Как стал твоим алмаз, который носишь

На пальце ты?

Якимо

Мне пыткой ты грозил за ложь, но правда

Твоею будет пыткой.

Цимбелин

Что? Моею?

Якимо

Пора открыть мне душу наконец!

Молчать - мученье! Перстень этот добыл

Обманом я. Владел им Леонат,

Тобою изгнанный, а он - пусть это

Тебя терзает больше, чем меня, -

Достойнейший из всех людей на свете.

Желаешь слушать дальше, государь?

Цимбелин

Все знать хочу я.

Якимо

Ангел - дочь твоя...

Лишь вспомню - сердце кровью истекает

И лживый дух скорбит... Прости... Мне дурно...

Цимбелин

Дочь? Что с ней? Овладей собой. Скорей

Согласен я, чтоб до седин ты дожил,
Чем умер, промолчав. Так говори же!

Якимо

Однажды - будь он проклят, этот час, -
Я в Риме пировал - будь проклят дом,
Где был я! Ах, зачем отраву в яства
Не подложили мне... Дстойный Постум... -
Что мне сказать? - он слишком был хорош,
Чтоб жить с дурными; он из самых лучших
Был наилучшим... - Он печально слушал,
Как мы своих красоток восхваляли
И самое искусное витийство
Бледнело перед нашим хвастовством.
Венера и Минерва рядом с ними
Дурнушками казались, хоть в природе
Никто богиням красотой не равен.
Хвалили мы возлюбленных своих,
Все прелести приписывая им,
Которые нас в женщинах пленяют
И позволяют им ловить мужчин
На удочку свою.

Цимбелин

Скорее к делу!

Я словно на горячих углях.

Якимо

К делу

Я скоро перейду, и ты узнаешь,
Что значит скорбь. Тут Леонат достойный,
Возлюбленный принцессы, речь повел.
Тех не хуля, кого мы расхвалили,
Он, добродетели самой подобный,
С такою скромностью, но вдохновенно
Живописал достоинства жены,
Что стало ясно каждому из нас:
Мы дуралеи, а красотки наши
Не лучше прачек.

Цимбелин

Ближе, ближе к делу.

Якимо

Превозносил он чистоту принцессы -
Вот тут-то все и началось, - сказал,

Что по сравненью с ней сама Диана
В греховных сновидениях повинна,
Что лишь одна жена его чиста,
А я, несчастный, усомнился в этом
И золото поставил против перстня,
Который он носил; я похвалялся,
Что Имогену я склоню к измене
И выиграю перстень. Верный рыцарь,
Он, веря в честь ее (в чем убедился
Потом и я) в заклад поставил перстень.
Конечно, мог он смело сделать так,
Будь то карбункул с колесницы Феба,
Ценой превосходящий колесницу.
Я поспешил в Британию. Быть может,
Вам памятен приезд мой? Ваша дочь
Мне разницу сумела показать
Меж похотью и подлинной любовью,
Лишив меня надежд, но не желанья
Верх в споре одержать. Мой хитрый ум
Придумал план один... позорный, низкий.
Он удался вполне. Я в Рим вернулся
С такою цепью ложных доказательств,
Что Леоната свел с ума, разрушив
Уверенность его в своей жене.
Я описал ковры, картины в спальне.
Браслет, добытый дьявольским коварством,
Ему я предъявил. Я перечислил
Приметы тайные у ней на теле.
Не мог он не поверить, что со мной
Его жена нарушила обет,
И вот теперь я вижу - словно он
Передо мной...
Постум
(выступая вперед)
Да, итальянский дьявол,
Он пред тобой! - О горе мне! Глупец я,
Чудовищный убийца, вор и все
Чем свет клеймит злодеев, мне подобных. -
О, дайте мне веревку, нож иль яд!
Назначьте суд! - Король, придумай пытки!
Страшней я, хуже всех чудовищ мира!

Я - Постум, умертвивший дочь твою!
Нет, лгу, я приказал убить ее
Другому негодяю святотатцу.
Она была святыней чистоты,
Нет, чистота сама. В лицо мне плюйте,
Кидайте камни, грязь, травите псами.
Пусть впредь любой злодей зовется Постум -
И все же будет лучше он, чем я.
О Имогена, жизнь моя, принцесса!
О Имогена!
Имогена
Стой, супруг мой! Слушай...
Постум
Над горем издеваешься моим?
Прочь, дерзкий паж!
(Наносит Имогене удар. Она падает.)
Пизанио
На помощь госпоже! -
О Постум, господин мой! Лишь теперь
Убили вы ее. - Скорей на помощь! -
О госпожа...
Цимбелин
Иль свет перевернулся?
Постум
В уме ли я?
Пизанио
О госпожа, очнитесь!
Цимбелин
Коль так, то боги радостью хотят
Убить меня.
Пизанио
Принцесса, лучше вам?
Имогена
Прочь с глаз моих!
Ты дал мне яд. Не смей дышать, преступник,
Близ королей.
Цимбелин
То голос Имогены.
Пизанио
Принцесса! Порази меня Юпитер,
Коль не считал я тот состав целебным.

Его мне подарила королева.

Цимбелин

Что? Что?

Имогена

Он отравил меня.

Корнелий

О небо!

Забыл я передать вам, государь,

Еще одно признание королевы.

Он им оправдан. "Если даст Пизанио, -

Она сказала, - мой состав принцессе,

Который я лекарством назвала,

Он так услужит этим ей, как крысе

Я услужила бы".

Цимбелин

Что это значит?

Корнелий

Мой государь, нередко королева

Заказывала яды мне, твердя,

Что ей они для опытов нужны,

Что травит только псов она и кошек

И тварей бесполезных. Но, боясь,

Что преступленье совершит она,

Я сделал для нее такой состав,

Который вместо смерти вызывает

Подобье смерти - сон, а после снова

Приходит жизнь.

(Имогене.)

Вы приняли его?

Имогена

Наверно, если я была мертва.

Беларий

Вот это нас и обмануло, дети.

Гвидерий

Фиделе! Да, конечно, это он!

Имогена

(Постуму)

Зачем ты оттолкнул свою жену?

Представь, что мы с тобою на скале,

И вновь толкни меня.

(Обнимает его.)

Постум

Пока я жив -

Как плод на дереве, держись на мне.

Цимбелин

Дитя мое! Родная плоть моя!

А что же я, по-твоему, - лишь зритель?

Ты для меня и слова не найдешь?

Имогена

Благословите нас, отец.

Беларий

(Гвидерию и Арвирагу)

Понятно,

Что мальчика вы сразу полюбили, -

Была причина.

Цимбелин

Для тебя, дитя,

Святой водой мои пусть будут слезы...

Скончалась мать твоя.

Имогена

Мне жаль ее.

Цимбелин

Нет, нет, она жестокою была.

Из-за нее мы встретились так странно.

Но сын ее исчез.

Пизанио

Теперь и я

Скажу без страха все. Явился принц

Ко мне, когда исчезла госпожа,

И с пеною у рта грозил меня

Убить мечом, коль скрою, где она.

При мне письмо случайно оказалось

От господина. Он прочел; узнал,

Что в Мильфорд, в гавань, госпожа помчалась,

И, в гневе приказав отдать ему

Одежду господина моего,

Он кинулся туда с нечистой целью -

Принцессу обесчестить. Что с ним случилось,

Мне неизвестно.

Гвидерий

Я могу сказать:

Его убил я.

Цимбелин

Смилуйтесь, о боги!

Я не хотел бы за твои заслуги

Обречь тебя на смерть. Скажи скорее,

Что это ложь.

Гвидерий

Я сделал, как сказал.

Цимбелин

Он принцем был!

Гвидерий

И наглецом! Ругательства его

Отнюдь не царственно звучали! Если б

Ревело море так, я и ему

Отсек бы голову; и очень рад,

Что не стоит он, похваляясь тем же,

Пред нами здесь.

Цимбелин

Мне жаль тебя, но вынес

Ты смертный приговор себе. Умри же!

Имогена

Я приняла за мужа этот труп

Без головы!

Цимбелин

Преступника связать

И увести!

Беларий

Нет, погоди, король;

Он выше принца родом и не ниже,

Чем ты. И ты ему обязан больше,

Чем сотне принцев.

(Страже.)

Рук его не троньте -

Они не для оков.

Цимбелин

Зачем ты, старец,

Еще не получив награды, губишь

Свои заслуги, гнев наш вызывая?

Нам равен он?

Арвираг

Перехватил отец!

Цимбелин

За это ты умрешь!

Беларий

Мы все умрем,

Но прежде докажу я, что они

Так знатны, как сказал я. - Дети, должен

Открыть я тайну. В ней моя беда

И ваше счастье.

Арвираг

Но твоя беда -

И наша!

Гвидерий

Счастье наше - и твое.

Беларий

Внимайте! У тебя, король великий,

Был подданный Беларий.

Цимбелин

Ну в что же?

Изменник, изгнан он.

Беларий

Моих он лет

И вправду изгнан, но за ним доселе

Не знаю я измены.

Цимбелин

Взять его!

Пощады нет ему.

Беларий

Не горячись!

За воспитанье сыновей твоих

Сначала уплати мне, а потом

Взыщи, что дал.

Цимбелин

За сыновей моих?

Беларий

Я слишком дерзок, но с колен не встану,

Пока высокий сан им не верну,

А там - казните старца. О король!

Меня считают юноши отцом,

Себя - моими сыновьями. Нет!

Они твое потомство, повелитель,

В них кровь твоя.

Цимбелин

Они - мое потомство?

Беларий

Да, это так же верно, как и то,
Что ты, король, сын своего отца.
Я, старый Морган, - изгнанный Беларий,
И твой каприз - вот вся моя вина
И вся моя измена. Мой проступок -
В моих страданиях. Принцев - это принцы!
Растил я двадцать лет, их обучил
Всему, что знал, - тебе, король, известна
Моя ученость. Няньке Эврифиле
Велел я их украсть, когда был изгнан,
И в благодарность я на ней женился.
Ты наказал меня несправедливо
За грех, который позже я свершил.
За верность был я изгнан, и тогда
Я стал изменником. Ты горевал,
А я был рад, своей достигнув цели.
Но дети вновь с тобой, а я, несчастный,
Двух лучших в мире потерял друзей.
Благословенье неба да падет
На их главу росой. Они достойны
Сиять средь звезд.

Цимбелин

Ты говоришь и плачешь.
Но помощь ваша мне еще чудесней,
Чем твой рассказ. Я потерял детей,
Но, если это сыновья мои,
Я лучших не желаю.

Беларий

Погоди.
Вот этот юноша, который прозван
Мной Полидором, - старший твой, Гвидерий;
А Кадвал - Арвираг, твой младший сын.
Он был тогда завернут в одеяло,
Рукой царицы вытканное дивно.
Его, как доказательство, отдам.

Цимбелин

Постой! Был у Гвидерия на шее
Знак наподобье звездочки кровавой -
Чудесная примета.

Беларий

Сохранилась

Она доньше. Мудрою природой

Отмечен он, чтоб легче можно было

Признать его.

Цимбелин

Итак, я словно мать,

Родившая троих. Но никогда

Не радовалась детям больше мать!

Благословенны будьте и, вернувшись,

Навек останьтесь с нами. - Имогена,

Но ты престол теряешь.

Имогена

Ах, отец,

Зато два мира мне возвращены. -

О дорогие братья, как пришлось

Нам свидетеля! Но я правдивей вас;

Меня, сестру свою, вы звали братом,

А я вас, братьев, братьями звала.

И вправду мы родные!

Цимбелин

Вы встречались?

Арвираг

Да, государь.

Гвидерий

Мы с первых встреч любили

Ее, пока умершей не сочли...

Корнелий

От яда королевы.

Цимбелин

Перст судьбы!

Когда ж узнаю все? Событий столько

Сплелось чудесных, что рассказ короткий

Не объяснит их. Где и как вы жили?

Как пленник наш тебя на службу взял?

Как братьев ты нашла, как потеряла?

Зачем бежала из дворца? Куда?

И многое еще спросить мне нужно.

Событий поразительную связь

Хочу скорей постичь я. Но сейчас

Не время и не место для расспросов.

Смотрите: Постум подле Имогены
Вновь бросил якорь. Как зарница, взор
У ней сверкает, озаряя мужа,
Меня и братьев радостью. И каждый
Ей взгляд ответный шлет. Пойдемте в храм,
И дым от жертв пусть вознесется к небу!

(Беларию.)

Отныне ты навек мне будешь братом.

Имогена

А мне - отцом: ты мне помог дожить
До счастья такого.

Цимбелин

Кроме пленных,
Все счастливы. Пусть и они ликуют:
Их милость ждет!

Имогена

(Луцию)

Мой господин! Теперь
Хочу я услужить вам.

Луций

Будь счастливой!

Цимбелин

Когда бы тот исчезнувший герой
Был с нами, отблагодарить его
От полноты души я смог бы.

Постум

Этот воин -

Я, государь. Я вместе с ними бился
В простой одежде. - Якимо, скажи,
Кто воин тот. Тебя я победил
И мог убить.

Якимо

(опускаясь на колени)

Я вновь у ног твоих.

Теперь меня повергла наземь совесть,
Как прежде мощь твоя. Тебе обязан
Я жизнью - так возьми ее; но раньше
Возьми свой перстень и браслет принцессы,
Вернейшей в мире.

Постум

Не склоняй колен.

Я властен лишь прощать и зло забыть.
Вся месть моя - прощение. Живи
И стань честней!

Цимбелин

Достойные слова!

Великодушию нас учит зять.

Прощенье всем!

Арвираг

(Постуму)

Ты нам помог как брат,

И счастлив я, что мы и в самом деле

С тобою братья.

Постум

Готов служить вам, принцы. - Римский воин,

Здесь прорицатель твой. Во сне сегодня

Ко мне слетел Юпитер на орле

И призраки родных моих. Проснувшись,

Я на груди нашел пергамент этот,

Но был не в силах разгадать писанье.

Пусть он свое искусство нам покажет,

Его растолковав.

Луций

Где Филармон?

Прорицатель

(выходя вперед)

Я здесь.

Луций

Прочти и растолкуй нам смысл.

Прорицатель

"Когда львенок, сам не ведая, кто он такой, найдет то, чего не искал, и будет объят струей нежного воздуха; когда отсеченные ветви величественного кедра, много лет считавшиеся мертвыми, вновь оживут, прирастут к старому стволу и зазеленеют на нем, тогда окончатся бедствия Постума, а в счастливой Британии вновь процветут мир и изобилие".

Ты львенок, Леонат. Ведь по-латыни

Ты *Leonatus*, то есть львом рожденный;

А ласковая воздуха струя -

То дочь твоя, король; ведь *mollis aer* -

Нежнейший воздух; это схоже с *mulier*,

А по-латыни *mulier* - супруга

Вернейшая. Не лживы письма.

(Постуму.)

Нежданно ты оваян ею был,
Как воздуха нежнейшею струею.

Цимбелин

Здесь есть глубокий смысл.

Прорицатель

Могучий кедр -

Ты, Цимбелин, а ветви - сыновья,

Которых у тебя украл Беларий.

Они считались мертвыми, но ныне

Вновь приросли к могучему стволу,

Суля стране и мир и процветанье.

Цимбелин

Прекрасно! С мира и начнем. - Кай Луций,

Хоть победили мы, но добровольно

Власть Цезаря и Рима признаем

И обещаем дань платить, как прежде,

От коей отказались мы по воле

Супруги злобной нашей. Но ее

И сына справедливо покарало

Судилище богов.

Прорицатель

Персты небесных сил коснулись струн

Гармонии и мира. То виденье,

Которое перед кровавой битвой

Я Луцию поведал, стало явью.

Орел наш римский, с юга воспарив,

На запад полетел и, уменьшаясь,

Исчез там в свете солнца. Это значит,

Что царственный орел, могучий Цезарь,

Свою любовь с великим Цимбелином,

Сияющим на западе, сольет.

Цимбелин

Хвала богам! Пусть дым от алтарей

Несется к небу! - Возвестить о мире

Всем подданным! - Идем! Пусть реют вместе

Британские и римские знамена!

Так мы пройдем по городу во храм

Великого Юпитера, где с Римом

Скрепим союз и празднество устроим.

Хотя еще с мечей не стерта кровь,
Но мир царит; войне не вспыхнуть вновь!
Уходят.

ПРИМЕЧАНИЯ К ТЕКСТУ "ЦИМБЕЛИНА"

Действующие лица. - В именах персонажей, наблюдается пестрое смешение форм кельтских (Цимбелин, Гвидерий, Арвираг), латинских (Постум, Леонат и др.) и итальянских (Филарио, Якимо).

Имя Постум по-латыни значит "рожденный после смерти отца", прозвище его Леонат означает "рожденный львом".

Когда Кассивелаун шел на римлян... - Кассивелаун - один из вождей древних бриттов, упорно боровшихся с Юлием Цезарем.

Так Тарквиний... - намек на сказание, обработанное Шекспиром в поэме "Лукреция".

...историю Терее... - История Терее и жертвы его насилия Филомены, рассказанная в "Метаморфозах" Овидия, несколько раз упоминается в трагедии Шекспира "Тит Андроник" (см. об истории Терее в комментариях к "Титу Андронику").

Письма верного супруга? - Имогена находит на своей груди письма Постума, которые называет ересью, как бы противопоставляя их священному писанию.

Северн - река, которую им надлежит перейти, чтобы добраться до Мильфорда.

Их будут репеловы приносить... - Существовало народное поверье, что репеловы покрывают непогребенных покойников мхом.

Он печально слушал, как мы своих красоток восхваляли... - Эта сцена у Шекспира отсутствует, хотя в новелле Боккаччо, послужившей ему источником, она имеется.

А.Смирнов

"ЦИМБЕЛИН"

Пьеса была в первый раз напечатана в фолио 1623 г. Текст ее дошел до нас в плохом состоянии. Многие места производят впечатление недоработанности, что побуждает некоторых критиков считать этот текст скорее наброском, чем вполне законченной пьесой.

Сомнение в принадлежности Шекспиру вызывает у многих исследователей "видение" в сцене V, 4, похожее на вставку, сделанную другим автором для какого-нибудь придворного спектакля, где такие пышные аллегории весьма ценились.

Для точной датировки пьесы мы не располагаем достаточными данными. Сохранилась запись от 15 мая 1611 г. некоего доктора Формена, который отмечает, что он был на представлении "Зимней сказки" в театре "Глобус", добавляя при этом, что он видел там также

"Цимбелина", но не указывает даты представления второй пьесы. Хотя некоторые критики считают этот документ подделкой, большинство исследователей признают их подлинность.

По своему стилю и общему характеру пьеса близка к "Периклу", "Зимней сказке" и "Буре", относящимся к последним годам творчества Шекспира. Находят также черты влияния "Цимбелина" на пьесу Бомонта и Флетчера "Филастр", возникшую примерно в 1610-1611 гг. Все это в соединении с некоторыми метрическими данными заставляет критиков предположительно датировать "Цимбелина" 1609-1610 гг. О ранних постановках пьесы, не считая упомянутой записи Формена, сведения не сохранилось.

Сюжет комедии чрезвычайно сложен и представляет собой свободное соединение весьма разнородных материалов. Источником для исторической рамки Шекспиру послужили "Хроники" Холиншеда (2-е изд., 1587 г., кн. III, гл. 17-18), откуда взяты имена самого короля (у Холиншеда - Кунобелин) и двух его сыновей. Но образы Постума, Клотена и злой королевы добавлены Шекспиром. Из других мест той же хроники заимствованы кое-какие детали - например, имя Имогены или рассказ Постума о перипетиях битвы с римлянами. Этим, однако, исторический колорит пьесы исчерпывается, если не считать того, что действующие лица, как и в "Короле Лире", клянутся языческими богами. В эту условно-историческую рамку Шекспир вставил сюжет частью фольклорного, частью новеллистического характера, насытив его чертами нравов современного ему общества, Оставляя в стороне множество осложняющих фабулу деталей (почерпнутых из Овидия, Плутарха, предшествующих английских драматургов и т.д.), в пьесе можно различить две основные темы: историю оклеветанной Имогены и судьбу двух сыновей Цимбелина, воспитанных в лесной глуши, включая счастливую встречу их с сестрой.

Первая из них - вариант широко распространенного в средневековой и ренессансной литературе рассказа о верной жене и дерзко посягнувшем на ее честь наглеце. Наиболее известная форма этого сказания представлена 9-й новеллой и дня "Декамерона" Боккаччо, где рассказывается о том, как Бернабо из Генуи, обманутый Амброджоло, теряет свое состояние, на которое побился об заклад, и, чтобы отомстить жене, велит ее убить. Она, однако, спасается и в мужском платье служит у султана; открыв обманщика, она направляет Вернабо в Александрию, где обманщик наказан, а сама снова надевает женское платье и, разбогатев, возвращается с мужем в Геную. По-видимому, эта новелла Боккаччо и послужила прямым источником Шекспиру, который в обработке ее проявил значительную свободу. Главное из его

отклонений заключается в том, что им совершенно отброшен момент разорения и обогащения основных персонажей и все внимание сосредоточено на анализе их переживаний. Однако кроме "Декамерона" Шекспир был, вероятно, знаком с некоторыми другими, по-видимому французскими, версиями этого сюжета, откуда он почерпнул кое-какие детали, как, например, изображение представителей четырех национальностей (I, 4).

Вторая тема - явно фольклорного происхождения. В известной сказке о Белоснежке рассказывается, как один король, вторично женившись на чрезвычайно красивой, но весьма гордой и жестокой женщине, предоставил ее попечению свою маленькую дочь от первого брака. Девочка бежит от злой мачехи и попадает в пещеру, где живут добрые карлики. Они ласково принимают Белоснежку, и она остается у них, чтобы стряпать им и вести их хозяйство. Эта идиллическая жизнь на лоне природы, среди ее добрых сил прерывается мнимой смертью Белоснежки, которую, однако, оживляют.

Все это очень близко к тому, что изображено у Шекспира. Главное его отступление заключается в том, что он заменил добрых карликов двумя братьями юной героини и их воспитателем. Хотя английский вариант этой сказки до сих пор не был найден, он без сомнения существовал во времена Шекспира и послужил ему прямым источником.

Введение, с одной стороны, двух похищенных сыновей короля, с другой стороны - сына королевы от первого ее брака, Клотена, объединяет обе названные темы и придает всему сюжету известную политическую окраску.

Итак, 1) как исходный пункт, псевдоисторическая хроника Холиншеда, к которой Шекспир уже не раз обращался в поисках сюжетов ("Король Лир", "Макбет" и т. д.) и которая на сей раз повествует о событиях I в. до н.э. и I в. н.э.; 2) средневековая новелла - анекдот о верной, подло оклеветанной жене; 3) патриотическая тема борьбы за национальную независимость против римлян; 4) полуновеллистическая тема порочных махинаций злой королевы, стремящейся сжить со света лучшего из вельмож государства, мужа дочери короля, как раньше она заставила бежать от двора лучшего военачальника короля Белария, уведшего с собой двух маленьких сыновей короля, чтобы воспитать их на лоне природы, в лесной глуши, в неведении зла; 5) всевозможные отклики римской мифологии, переполняющие пьесу, - таково пестрое смешение всевозможных сюжетных измышлений, волнующих и развлекательных, вполне в духе и стиле тех трагикомедий, которые

начинают входить в моду около 1609 г. сначала в придворном театре, а затем, после перехода всех актерских трупп под надзор и опеку короля, и в городских лондонских труппах.

Чтобы сделать из этой причудливой рапсодии нечто лучшее, нежели мелодрама Бомонта и Флетчера, насытив ее подлинным гуманистическим содержанием, понадобились весь гений и вся поэтическая непосредственность Шекспира. Ему очень помогло при этом то, что помимо всех перечисленных выше источников он использовал еще один - на этот раз уже не книжный, а живой, - пришедший к нему из жизни и потому особенно важный и действенный. Некоторые критики отрицают этот источник, ввиду того что ему недостает "портретной" точности, близости в мельчайших деталях. Они забывают при этом, что в случаях с живым источником или образцом совпадения в деталях как раз не требуется: гораздо важнее общий характер, атмосфера, которою овеяны события, если только она действительно содержит черты специфические, имеющие "необщее выражение".

Весной 1610 г. произошли политические события, отразившиеся в пьесе. К этому времени характер придворной жизни при первом короле из династии Стюартов значительно изменился. Надежды, вызванные началом правления Иакова I (заботы о просвещении, покровительство искусству), не оправдались. Двор стал ареной либо пустейших увеселений, либо самого необузданного разврата.

Единственным светлым пятном на нем оставалась Арабелла Стюарт, племянница короля. Но в качестве таковой она обладала какими-то неясными правами на престол и по этой причине состояла под строжайшим надзором. На свою беду она влюбилась в Уильяма Симора (Seymour), сына лорда Бошана, который также имел какие-то смутные претензии на трон. Иаков этой близости между молодыми людьми не сочувствовал, но они не захотели быть покорными и тайно обвенчались. Тогда Иаков велел арестовать обоих, но любящим удалось бежать. Однако несчастная случайность разрушила планы беглецов. Уильям счастливо скрылся на континент, но Арабелла слишком долго прождала мужа в условленном месте встречи и, пойманная посланной за ней погоней, была отвезена на родину и там умерла в заточении, сойдя с ума. Не будучи прямой аналогией, история Арабеллы Стюарт имеет черты некоторого сходства с судьбой Имогены.

Есть серьезные основания полагать, что "Цимбелин" был не с самого начала задуман Шекспиром как "трагикомедия" (или, как мы бы сказали сейчас, "мелодрама"), но что первый его набросок мыслился

Шекспиром как "трагедия" (так, кстати сказать, и обозначена пьеса в первом фолио 1623 г.). Слишком выразительна в этом отношении переключка первых сцен пьесы с экспозициями "Гамлета", "Короля Лира" и "Тимона Афинского", характеризующими моральную обстановку во дворце или в среде древнегреческого патрициата. Лишь постепенно и нерешительно акцентируются жизнерадостные или, скажем, примирительные тона, пока они не прозвучат с полной силой в сценах "лесной идиллии" Белария и двух юных принцев. Но еще долго зловещие и мрачные интонации (например, в роли королевы, слишком поздно и без достаточной мотивировки готовящей яд для Цимбелина) слышатся в пьесе с большей силой и ожесточением, чем это допускалось каноном трагикомедии.

Одна роль как в "трагедийном", так и в "трагикомедийном" плане резко выделяется среди остальных как своей человеческой значительностью, так и глубиной своей разработки: это - Имогена, любимица многих патентованных и непатентованных шекспиристов (как, например, Стендаля, положительно влюбленного в этот действительно прелестный образ). В этой редакции сказания об испытании верной жены и посрамлении наглого хулителя, какую избрал Шекспир, унижен и наказан до некоторой степени и муж красавицы. Можно думать, что эта черта наложила печать и на характер Имогены, взятый в целом.

Здесь Шекспир, чтобы иметь возможность резче противопоставить чистоту наглости, показать их решающую схватку, не довольствуется подкупом одной женщины, к которому прибегает негодяй, чтобы проникнуть в спальню Имогены, но показывает его попытки обольстить ее. Когда Якимо уверяет Имогену в измене ей Постума, Имогена отвергает эту низкую клевету, уже показывая таким образом свое нравственное превосходство. Она - натура сильная, и ее характер определяется не одной лишь любовью и преданностью (подобно Геро в "Много шума из ничего", Дездемоне или Гермione). Она столь же горда и решительна, как и смела. Она не боится смерти (в Мильфорде), даже жаждет ее, узнав, что муж усомнился в ее моральной стойкости. Она не боится своей злой мачехи, спорит с отцом, отстаивая свое право любить Постума. Кажется, что Шекспир для ее образа заимствовал некоторые краски у чуть-чуть строптивых и задорных, умеющих постоять за себя героинь своих ранних комедий, как Розалинда, Беатриче, Порция, Виола.

Несмотря на исключительное внимание, которое Шекспир уделил Имогене, нельзя все же сказать, что ее образ заслоняет другие образы пьесы, заполняя все действие. Судьба героини связана с двумя

противопоставленными друг другу мирами. С одной стороны, это двор, являющийся, как и в "Гамлете", средоточием всякой низости и морального падения. Тон здесь задает развратная и гнусная королева, под неограниченным влиянием которой находится вовсе не преступный, но крайне слабохарактерный и морально неполноценный король. Украшение двора и любимец царственных супругов, не знающий преград своей воле и своим низким выдумкам, - сын королевы от первого брака Клотен, самое имя которого, явно смысловое (clot - "комочек, глыба земли"), в достаточной мере свидетельствует о его тупости и распутстве.

Но постепенно, и чем дальше, тем отчетливее, вырисовывается второй центр действия, противоположный двору, - лесная глушь, приют Белария и его двух питомцев, где все дышит чистотой и безмятежным спокойствием. Изображенная здесь лесная идиллия многими чертами напоминает пастораль "Как вам это понравится". Задуманное первоначально как месть оскорбленному Белария королю похищение юных принцев оказалось для них благодеянием, ибо, не зная о своем королевском происхождении, воспитанные на лоне природы, принцы морально оказались выше, чем они были бы, живя во дворце. Недаром в решающей схватке с римлянами они выступают спасителями отечества.

Подобно идиллической жизни изгнанников в Арденском лесу ("Как вам это понравится"), здесь нет денег: все нужное для жизни доставляет охота. Старшие делятся опытом жизни с младшими. Законы здесь не имеют цепи, и ссылки на "исторические" права Клотена вызвали бы презрительный смех. Даже религия, если ее понимать как "предание", а не как "естественное откровение природы", утрачивает здесь всякий смысл. Утренний привет заре, солнцу, которое все питает, - вот и весь известный живущим здесь ритуал. Нет никаких похоронных обрядов. Краткое задушевное прощание, цветы, брошенные на гроб как пожелание вечного покоя, - вот и все (IV, 2); ни слова о воскресении, о загробной встрече, просто уход из жизни и посмертное растворение в природе, как более живая и глубокая, чем наша, жизнь. На этой части пьесы, как бы предвосхищающей идеи Руссо, автор особенно охотно задерживается. Читатель видит перед собой живых людей, а не штампы пастушеской поэзии античности или Возрождения. Но вместо веселой выпивки и задорных песен старой пасторали Шекспира лесное уединение "Цимбелина", подобно "Тимону Афинскому", хранит в себе привкус "мировой скорби". Ненависть к порочному двору таит в себе нелюбовь ко всему человечеству. Тут нет шутов, влюбленных крестьянок и

стихов, развешанных на деревьях. Беларий воспитывает юношей в презрении к земным благам. Он учит их понимать неблагодарность мира, от которой когда-то бежал в лесную, глушь. И ненависть ко двору переходит у него (как в "Тимоне") в ненависть ко всему человечеству. Но счастье при виде доблести воспитанников смягчает это чувство и несколько примиряет Белария с жизнью.

Здесь находит приют Имогена. Здесь добрые образуют незримый союз, своего рода братство. Воодушевленная этим чувством, Имогена в ответ на ласковое предложение Арвирага, называющего ее "братом", остаться у них жить, отвечает (IV, 2, в самом начале):

"Все люди братья.

Но зачастую, знатностью кичась,
Себя возвысить хочет плоть над плотью,
Хоть после смерти все лишь прах".

Различия между людьми создаются культурой, природа их не знает. Шекспир от пастушеской лирики здесь поднимается до сознательной гуманистической идеи, недоступной его эпохе: человеческие понятия о нравственности условны и относительны...

Постум - слышим мы о нем от придворных кавалеров - лучший человек при дворе:

"Его (столь редкий случай!) все любили
И восхваляли при дворе. Для юных
Он был примером, для мужей в летах -
Зерцалом совершенства, а для старцев -
Поводырем" (I, 1).

Правда, мы не знаем, насколько можно доверять прямоте и искренности суждений развращенной придворной среды, где предмет поклонения - королева и ее достойный сынок. Но контекст за то, что эта характеристика - авторская.

Яснее всего раскрывается характер Имогены в ее взаимоотношениях с мужем. В общем, Постум - хороший человек, но испытавший влияние среды; он более чувствителен к внешней "чести", чем к внутренней "честности". Для него Имогена - "ангел-хранитель". Пока он с ней, он проявляет лишь одни свои хорошие стороны. Но стоит ему перебраться в Италию, как мы обнаруживаем уже нечто совсем другое. Ему недостаточно того, что у него хорошая жена, ему надо еще похвастаться этим! Он знает лишь придворных дам, и ему чужда мысль, что Имогена может оказаться иною. Ему приходит даже низменная мысль - поручить то, что он считает "законной карой", другому, слуге (вспомним итальянскую новеллу, послужившую Шекспиру сюжетным источником для "Отелло", где венецианский

мавр поручает убить Дездемону лицу, соответствующему шекспировскому Яго, - мотив, отброшенный Шекспиром). А потом приходит безграничное, по, увы, слишком позднее раскаяние (черта, явно недооцененная Б. Шоу, написавшим новое окончание "Цимбелина"). Постум Шекспира налагает на себя покаяние - смерть в бою, и молит о ней богов (V, 4).

Безусловно, с точки зрения композиции в пьесе есть спорные и даже явно слабые места, К числу таких относится интермедия с появлением Юпитера на орле и призраков предков Постума в его темнице (V, 4). Весьма возможно, что эта сцена, вполне соответствующая вкусам придворного спектакля, была подсказана Шекспиру включением в ""Перикла" сцены с Дианой Эфесской (V, 1); однако невысокий художественный уровень всей этой интермедии делает вероятным предположение, что Шекспиру принадлежит лишь первоначальный набросок ее, который он передал на разработку актерам своей труппы. Во всяком случае, интермедия эта не имеет никакого отношения к действию пьесы.

По меньшей мере еще в двух случаях сопоставление Имогены с Постумом подчеркивает ее нежность и душевную тонкость. Способная перенести довольно спокойно любое оскорбление или клевету, идущие от глупца и негодяя Клотена, она вспыхивает как порох, когда он пытается унижить и опорочить ее избранника. Когда он называет Постума "каким-то приживалом, недостойным быть даже свинопасом", она восклицает: "Негодяй! Будь ты потомком солнца самого, знай - и тогда ты был бы недостойн его рабом назваться" (II, 3).

И еще: когда Пизанио сообщает ей о смертном приговоре, вынесенном ей Постумом, она не трепещет за свою жизнь, но ее терзает мысль о том, как он будет потом раскаиваться в содеянном (III, 4).

Еще раньше, когда Якимо рассказывает ей о мнимой неверности мужа, рассчитывая таким образом проложить себе путь к ее сердцу, она в ответ на его уговоры "отомстить" за себя откликается:

"Отомстить? Но как же мстить?"

Будь это даже правда,

Не так легко ушам поверит сердце,

Не так поспешно...

Если это правда,

Как мстить ему?" (I, 6).

Сцена в спальне, когда Якимо пытается обольстить ее, - одна из лучших, написанных Шекспиром. Контраст между чистой дремой

Имогены и душевной грязью Якимо не мог быть передан выразительнее.

В заключение отметим два момента первостепенной важности, оба относящиеся к сдвигам во взглядах и мироощущении Шекспира последних лет. Один относится к контрасту между образами Белария и героя незадолго перед тем написанного "Тимона Афинского". Если Тимон весь уходит в проклятия миру и в отрицание его, Беларий, хотя и сильнее пострадал от человеческой несправедливости, устремляется в деятельную борьбу за исправление людей, тянется к жизни среди них и к служению добру.

Второй относится к одному из самых трогательных мотивов финала, Когда все заблуждения, несправедливости, даже преступления Якимо оказываются раскрыты и правильно всеми оценены, он становится на колени перед Постумом, прося у него прощения (вспомним Лира, преклоняющего колени перед Корделией), на что Постум откликается: "Не склоняй колен.

Я властен лишь прощать и зло забыть.

Вся месть моя - прощение. Живи

И стань честней".

И Цимбелин подводит итог и этой сцене и пьесе в целом:

"Достойные слова!

Великодушию нас учит зять.

Прощенье - всем!" (V, 5).

В призыве к великодушию хотели видеть апелляцию к "христианскому всепрощению", упуская и", виду, что в общем контексте этой совершенно чуждой религиозным мотивам пьесы "прощение" гораздо ближе к светскому, вполне гуманистическому "великодушию", "душевной щедрости", "милости", к которому безуспешно призывает Шейлока Порция в сцене суда, чем к христианскому идеалу "всепрощения", и что этот призыв явно не распространяется ни на королеву, ни на Клотена, которые понесли заслуженную и не подлежащую, по мысли Шекспира, отмене кару. "Прощенье - всем", - говорит великий поэт-гуманист, и в этом призыве, правильно понятом, весь смысл и назначение пьесы.

А.Смирнов

<http://book.zehinli.info>